

Павел Когоут

Такая любовь

Пьеса в двух отделениях.

Перевод с чешского Н. Аросевой и С. Шмераль

ПО ЗАКОНАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ

«Нет ли у вас новой хорошей современной пьесы? Просто не знаем, что репетировать». — «К сожалению, нет. Была одна, да из нее автор уже киносценарий сделал, теперь боимся ставить». — Такой или приблизительно такой разговор почти неизбежно возникает между руководителями двух театров, как только они встречаются друг с другом.

Случилось так, что те функции, которые в девятнадцатом и даже начале двадцатого века целиком принадлежали театру, теперь выполняются и кинематографом и телевизором. Возникла, окрепла, выработала новые каноны кинодраматургии. Возникло и с каждым годом все шире и самостоятельнее развивается телевидение, и уже намечаются формы драматургии телепередач, отличных и от театра и от кино.

Все это не могло не повлиять на театр, заставляя, как и всегда в ходе его развития, искать новые средства выразительности, а следовательно, и новые формы драматургии. Диффузия между зрелищными искусствами неизбежна, и одновременно неизбежно и стремление найти жанровые границы каждого зрелищного искусства. Здесь-то и лежат причины того, что драматург, разрабатывая тот или иной сюжет, иногда бездумно адресует свое произведение сразу и в кино и в драматический театр, а то и в оперетту или инсценирует сугубо бытовой роман, стараясь втиснуть его в условную форму классического балета, и только полное отсутствие сборов, то есть окончательный необжалуемый суд зрителя, показывает на ошибку, совершенную драматургом или инсценировщиком. Но иногда драматург, пишущий для театра, стремится найти такие выразительные средства или такой драматургический прием для решения своей темы, который, с его точки зрения, хорош и верен только для драматического театра, то есть театра, в котором актер общается со зрителем непосредственно, а не через экран кино или телевизора.

В поисках новых форм театральной драматургии неизбежны ошибки, и они совершались многими, но тем не менее поиски эти будут продолжаться, так как они продиктованы жизнью, то есть всей суммой процессов, происходящих в огромной семье зрелищных искусств, в которой есть и дедушки, и внуки, и дяди, и двоюродные братья, и племянники.

Пьеса чешского драматурга Павла Когоута «Такая любовь» — одна из пьес, которая по всему своему драматургическому строю адресована только театру. Общение актера со зрительным залом является в ней не только приемом, но и сюжетной необходимостью, так же как и абсолютно органичное присутствие на сцене автора, в сюжете пьесы играющего роль судьбы.

Автор, стоящий как бы над героями, существует и присутствует в каждом романе и каждой повести. Присутствовал он когда-то и в классической драматургии древности. Его мысли, его мнение о героях излагались Хором. В дальнейшем автор скрылся за монологами героев, а к концу девятнадцатого века и вовсе исчез из сюжета, так как почти исчезли даже монологи.

Пока молодая кинодраматургия не рисовала перерезать пуповину, соединявшую ее с драматургией театра, автор не вмешивался в развитие сюжета и мнения своего ни о поступках героев, ни об их характерах кинозрителям не сообщал. Но как только пуповина была перерезана, как только кинодраматургу стало ясно, как близко киноискус-

ство стоит и повествовательной литературе, за экраном раздался голос автора и во многих картинах прозвучал так органично и оказался так нужен, как этого нельзя было даже предположить.

Но мы знаем случаи, когда так же органично действовал автор и внутри театральной пьесы. «Воскресение» во МХАТ'е — это не просто удачная инсценировка. Это великолепная пьеса, великолепный драматургический прием, позволивший раскрыть тему толстовского произведения так, как ее невозможно было бы раскрыть, ограничив словесное действие только диалогами героев.

Мхатовское «Воскресение» не одиноко. Новая драматургия и у нас, и за границей не раз прибегала к различным приемам изложения сюжета и темы, не применявшимся в драматургии девятнадцатого века, в том числе и к введению в сюжетную ткань авторских ремарок, раскрывающих тему кусков, сцен, картин.

Пьеса «Таная любовь» построена в форме свидетельских показаний героев, каждое из которых раскрывает не только причину уже свершившихся фактов, но и придает самим фактам совершенно новый и неожиданный смысл, потому что судьей каждого факта, каждого диалога и каждого поступка героев является автор.

Читается эта пьеса с очень большим интересом, и я уверен, что если ее хорошо сыграть на сцене театра, то смотреться и слушаться она будет с неменьшим волнением.

Волнение это возникает не потому, что автор придумал новый драматургический прием, а потому, что в своеобразной форме он ставит очень серьезные вопросы, являющиеся основной темой его творческой жизни.

Павел Когоут молодой автор. Ему около тридцати лет. Он поэт. Вот уже лет пять как лирические стихи Когоута являются одними из самых любимых стихов чехословацкой молодежи. Стихи о любви, но любовь эта не слюнявая, не «голубая». Это лирика комсомольца, солдата, это лирика сегодняшнего человека.

Первую свою пьесу Когоут написал всего несколько лет тому назад. Называлась она «Хорошая песня», и у нас, в Советском Союзе, была поставлена в Ленинграде Николаем Павловичем Анимовым. Тема пьесы была определена Когоутом строчкой из стихотворения Щипачева — «Любовь с хорошей песней схожа, а песню нелегко сложить». Иначе говоря, речь шла о том, что любовь — это не пустяки, в жизни человеческой занимает огромное место и, следовательно, требует рассмотрения пристального и обращения с собой чуткого, серьезного и осторожного.

Казалось бы, следующая пьеса «Сентябрьская ночь», ставящая вопрос о человеческих взаимоотношениях в армии, не имеет ничего общего с первой пьесой. Но это только на первый взгляд. В обеих пьесах автора волнует все та же основная для него тема: в новом социалистическом обществе человеческие взаимоотношения должны быть прежде всего человеческими, предельно чуткими, и всякое их нарушение есть преступление перед человеком, а следовательно, и перед всем обществом.

«Сентябрьская ночь» вызвала большие дискуссии, во-первых, потому, что этот вопрос был поставлен в ней резко и круто, а во-вторых, еще и потому, что сам вопрос был важный, нужный и необходимость решения его ощущалась зрителями как безотлагательная.

Полемика вокруг новых произведений Когоута возникает почти неизбежно, потому что и стихи, и пьесы, и выступления его бывают лучше или хуже, но они всегда искренни, молоды, по-молодому азартны.

«Таная любовь» — это пьеса о молодых. Ее герои того же возраста, что и автор.

Тема пьесы — любовь. Любовь и брак. Ее сюжет несложен. И хотя одна из героинь гибнет, но обстоятельства, приведшие ее к смерти, к самоубийству, вовсе не исключительные. Наоборот, если бы не смерть, ничто бы, пожалуй, и не осудил никого из фанатических виновников гибели девушки. В этой, сознательно выбранной, обычности фактов, диалогов, положений и заключена сила убедительности.

Многие современные пьесы на аналогичную тему страдают фальшивым морализированием и ханжескими выводами, неправдоподобными, чисто теоретическими «благородными» поступками, когда человек ради некоего абстрактного благородства возвращается к нелюбимой жене, «чтобы не разрушать семью», хотя такая склеенная семья ничего, кроме ада, не сулит; или «ради сына» амнистируется «раскаившийся муж», хотя такой прощанный папа вряд ли будет хорошим отцом.

Ничего этого не требует Когоут, потому что такие требования, как это ни странно, не только фальшивы, но и бесконечно мелки. Их легко выполнить, но никого они ни от чего не спасают.

Когоут требует гораздо большего. Абсолютного внимания к человеку. Абсолютной чуткости и, следовательно, борьбы со всем, что рождено во взаимоотношениях между людьми эгоизмом, эгоистической любовью, стяжательством сердца.

Поступки тех, кого обвиняет автор, не подлежат гражданскому суду. В них нельзя найти юридических моментов преступления, но тем опаснее они и тем суровее суд

автора, потому что судит он по высшим законам человеческой этики, по законам социалистической морали.

Мне хочется думать, что советские театры поставят «Такую любовь» и что зрители, уходя со спектакля, будут взволнованно спорить о вещах серьезных и важных, о любви и честности, об эгоизме и ханжестве, о принципиальности фальшивой и настоящей.

Пьеса Когоута суровая и одновременно добрая, потому что автор любит человека любовью требовательной.

С. ОБРАЗЦОВ.

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Не думайте, что люди ходят в театр только развлечься. Их тянет туда естественное желание заглянуть в душу других и судить о самых тайных их помыслах. Пойдем сегодня им навстречу: не будем разыгрывать спектакль, откажемся от таких ненужных шаблонов и деталей, как постановка или декорация. Попытаемся на глазах у публики обнажить и противопоставить судьбы нескольких людей, обращаясь к самим зрителям, взывая к их опыту и чувствам так недвусмысленно и активно, что они увидят, в конце концов, в пьесе самих себя. Успех будет тем большим, чем меньше будет аплодисментов, чем больше обидятся зрители.

Поэтому публику встречает поднятый занавес и пустая сцена с темной, унылой скамьей, обращенной спинкой к залу, и высоким креслом возле кулис. Перед началом действия на скамье усаживаются поочередно четыре ничем не примечательные фигуры: они явно погружены в собственные мысли. Удар гонга, свет в зале гаснет, сцена освещается. Двое молодых людей и две молодые женщины встают со скамьи. Из зала на сцену поднимается человек в мантии судьи. Все садятся. Человек в мантии раскладывает на широком подлокотнике кресла бумаги. Некоторое время он сосредоточенно перебирает их, потом взглядывает на головы четырех людей, неподвижно обращенные в глубину сцены.

1

Человек в мантии. Можете курить! (*Никто не пошевелинулся. Человек в мантии снова перебирает документы, повторяет*). Можете курить! (*Высокий юноша — Петрус — и старшая из женщин — Петрусова — нервно, не поворачивая головы, закуривают*). Ну-с, так... Начинается слушание дела Матисовой и других. Суд общественности предъявляет вам обвинение в антиобщественных действиях, результат которых — нервное потрясение, с одной стороны, разрушение семьи — с другой, смерть человека — с третьей. Все это — не считая прочего ущерба, который трудно измерить. Обвиняемая Матисова. «Л...» — это Людмила?

Лида. Лида.

Человек в мантии. Обвиняемая Лида Матисова, год рождения 1934, студентка юридического факультета, признаете ли вы себя виновной?

Лида. Да.

Человек в мантии. Обвиняемый Петр Петрус, год рождения 1929, ассистент кафедры семейного права, признаете ли вы себя виновным?

Петр. Я... я не знаю...

Человек в мантии. Но есть же у вас какое-то мнение по этому делу?

Петр. Да... Нет.

Человек в мантии. Обвиняемая Лида Петрусова, год рождения 1926, врач, признаете ли...

Петрусова. Нет!

Человек в мантии. А вы, обвиняемый Милан Стибор, год рождения 1932, конструктор, вы...

Выкрик из зала. Нет!

Человек в мантии (*укоризненно глядя в зал*). Вы признаете себя виновным?

Стибор. Да...

Выкрик из зала. Нет! Нет!

Человек в мантии (*в публику*). Я забыл предупредить о том, что само собой разумеется: проявления согласия или несогласия...

Выкрик из зала. Я его мать.

Стибор (*встает, поворачивается к залу, умоляюще*). Мама!

Мать (*с места*). Вы же — человек! Не требуйте от матери, чтобы она сидела, как мраморная статуя, если она знает, знает! Не он — я знаю, как все произошло, я знала, что это случится, потому что я — мать. И ваша мать знала о вас больше, чем вы сами! Он не скажет правды, потому что у него слишком доброе сердце, и если вы хотите узнать правду, не лишайте меня слова. Если вы не позволите говорить матери, значит нет и не будет правды на земле!

Человек в мантии (*задумывается, потом кивком головы разрешает Стибору сесть, подходит к рампе*). Подите сюда, гражданка. С чего-то надо начинать.

2

В то время как он помогает Матери подняться на сцену, глубина сцены темнеет. Стиборова, потеряв из виду сына, утрачивает уверенность в себе.

Человек в мантии. Старайтесь не отвлекаться и вспомните, прошу вас, все важнейшие подробности. Бывают незначительные детали, роль которых в ходе событий многократно возрастает.

Мать. Не бойтесь, я ни о чем не забуду. Как можно! Вам кажется, что я хожу, говорю, вы уверены, что я ем и сплю, — но это только по инерции. Моя жизнь замерла после этих событий. Они вновь и вновь возникают передо мной в строгой последовательности. Это тем тяжелее, что я ничего не могу изменить — будто я зритель в театре, где ставят знаковую трагедию.

Человек в мантии. Прошу прощения, но меня прежде всего интересуют факты, и если ваши чувства...

Мать. Простите... Когда-то я изучала литературу, и после смерти мужа вся моя жизнь сосредоточилась только на Милане и на книгах. Милан тоже упрекал меня в склонности к... что я порой мыслю слишком сложно. Я постараяюсь... Хотя сейчас, поймите...

Человек в мантии. Понимаю. Если бы мы не понимали особенностей друг друга, города состояли бы не из домов, а из неприступных крепостей. Как это все началось?

Мать. Вот видите, я уверяла, что знаю все, но тут... Вы должны представить себе — двадцать лет мы жили с Миланом одни. Он знал: ради него я не вышла вторично замуж, чтобы никто чужой не вошел в его жизнь. Наши доходы — доходы учительницы! Я бегала по урокам, и поверьте... но важно не это...

Человек в мантии. Это важно.

Мать. Поверьте, что порой я питалась одной литературой, ведь есть прежде всего надо было мальчику. Он понимал это. Понимал. Чего мне стоило его образование, и я должна сказать — сын оплатил мне за все сторицей. Никогда, никогда между нами не было тайн, пока... Двадцать третьего июля я шла домой, пешком, не торопясь; Милан уже с весны работал и по вечерам. Так он мне говорил. Начался дождь. У трамвайной остановки был навес... к несчастью...

Кинопроекция: открывается перспектива бесконечно длинной вечерней улицы. Дождь. Стиборова стала в тени под навесом. Человек в мантии отвернулся, его фигура слилась с черным фоном кулис. Монотонно плещет теплый ливень. К трамвайной остановке подбегают Лида Матисова и Милан Стибор. Они отряхиваются, переводят дух.

Стибор. Ну как?

Лида. Отлично.

Стибор. Прохладно — возьми мой пиджак!

Лида. Нет, нет. Он намокнет.

Стибор уже накинул пиджак ей на плечи. Лида кутается и молчит.

Стибор. Лида, ну что в этом хорошего?

Лида. В чем?

Стибор. Прокуренное кафе и мокрые улицы. Из грязи в лужи. Что мы будем делать зимой?

Лида. Лепить снежных баб.

Стибор. Лида! Я больше не могу!

Лида. Не можешь? Чего не можешь?

Стибор. Держать тебя за руку, гладить твои волосы, целовать... Я же не мальчишка... Боже мой, я не умею высказать! Лида, я не каменный. Я не могу без тебя, понимаешь? И вот... теперь тебя увезет трамвай... и...

Лида. Так поедem вместе.

Стибор. А пстом простимся перед общежитием? Не все ли равно?

Лида. Но что я могу сделать? Что мы можем?

Стибор. Выходи за меня замуж!

Лида. Опять!..

Стибор. Выходи за меня.

Лида. Милан!

Стибор. Я уже двадцать пять лет Милан.

Лида. Я говорила тебе и вчера и позавчера: что ты выдумал? Мы знакомы только три месяца.

Стибор. Мой товарищ ухаживал за девушкой десять лет, а через три месяца после свадьбы развелся. Почему нам не сделать наоборот?

Лида. Это абсурд! Ты меня совсем не знаешь!

Стибор. Вернее, ты меня не любишь. Не любишь!

Лида (*растроганно гладит его по голове*). Разве ты не видишь?

Стибор. Почему же тогда?.. Еще два года в общежитии, никого у тебя здесь нет, а потом пошлют в провинцию... и снова будешь одна. Ведь ты же умная!

Лида. Горе от ума?

Стибор (*упрямо*). Ты сказала, что любишь меня! Ведь любишь?

Лида. Не сердись!

Стибор. А я тебя — страшно! Когда мы вместе — я про себя считаю, через сколько минут ты уйдешь. А уйдешь — и я все боюсь, что не вернешься, что любовь твоя исчезнет. Это мучение, а не жизнь! У меня и работа не клеится, вчера я напортил... Ты должна выйти за меня! (*Лида невольно улыбается; его упрямство трогает ее. Он это чувствует и продолжает с еще большей горячностью*). Когда двое любят, им надо быть вместе как можно больше, чтобы любовь росла и крепла...

Издали доносится шум трамвая.

Лида. А что скажет твоя мама?

Стибор (*Разве теперь это препятствие для него?*). Что ей за дело?

Лида. Ты прогрессируешь. В конце концов, может быть, перестанешь говорить так цветисто?

Стибор. Если ты выйдешь за меня, я готов говорить только да и нет, а то и вовсе молчать. Лида...

Л и д а. Мой трамвай идет...

С т и б о р. Я поеду с тобой.

Л и д а. Нет, нет! Дай мне... я должна... немного подумать...

Возвращает ему пиджак, но он не надевает его, выходит с Лидой под дождь, глядит на нее.

С т и б о р. Лида...

Л и д а (*неожиданно целует Милана*). Смотри у меня, не простудишь...

Поднимается на площадку вагона, трамвай трогается. Милан машет вслед рукой, потом поворачивается и сталкивается лицом к лицу с Матерью. Запинается.

С т и б о р. Мама... я...

М а т ь. Что мне за дело?

3

Проекция гаснет. Тьма поглотила и трамвайную остановку, и дождь, и Мать. Смушенный Стибор надевает пиджак. Появляется Человек в мантии, задумчиво покачивая головой.

Человек в мантии. Это вышло не очень тактично.

С т и б о р. Я не мог знать, мне и в голову не пришло, что случайно...

Человек в мантии. Я говорю о факте. Дело не в том, что она слышала, а в том, что вы вообще так выразились. Я предполагал, что вы иначе относитесь к матери, если учесть, с каким трудом...

С т и б о р. Перестаньте, пожалуйста. Я знаю, что для меня значит мать! Если бы я был поэт... Я не поэт, но я даже стихи ей писал... Только...

Человек в мантии. Только?

С т и б о р. Бывает, что мы просто не понимаем друг друга. Вы когда-нибудь любили?

Человек в мантии. Позвольте, вопросы задаю я.

С т и б о р. Хорошо, но согласитесь, что я, я сам должен выбрать, с кем буду жить, сидеть за одним столом, делить горе и радость...

Входит Мать.

М а т ь. Я никогда не требовала от него...

С т и б о р. Не требовала, но...

Человек в мантии. Как вы любите слово «но».

С т и б о р. Но... (*в отчаянии машет рукой и уходит*).

М а т ь. Жаль, что я рассказала вам о его юности. Вы, вероятно, думаете, что я принадлежу к числу матерей, которые хотят вмешиваться даже тогда, когда дети должны решать сами. Вы неправы. Я сама пела ему песни, пробуждающие первое чувство. Я давала ему Бржезину, Пушкина, Уитмена. Значит, я предвидела, что когда-нибудь он захочет найти свою поэзию,— я говорю о любви, о земной любви.

Человек в мантии. Это сказано... хм, с большим чувством. А считались ли вы с тем, что он женится?

М а т ь (*вздыхает*). Признаюсь, мои представления были более эгоистичными. Я думала — в интересах сына, конечно, — что при его требовательности он будет... дольше искать...

Человек в мантии. И дольше останется с вами.

М а т ь. И дольше... да. Но, уверяю вас, когда появилась Лида, я не сказала ему ни слова.

Человек в мантии. Несмотря на то, что его слова причинили вам боль.

М а т ь. Несмотря на это. Я ничего не показала Лиде, хотя... хотя сомневалась, не скрою. И правильно делала, потому что все же оказалось...

Человек в мантии. Не надо забегать вперед.

Мать. Хорошо. Но я даже сумела поговорить с ней перед свадьбой, очень интимно, как с родной... дочерью. Милана не было дома, и я пригласила Лиду на чашку чаю. «Лида, — сказала я ей, — надеюсь, вы себя чувствуете здесь как дома»...

Кинопроекция: комната, занавес, картина на стене. Лида сидит у столика, Стиборова садится напротив. Весь разговор идет в интимном, дружеском тоне.

Лида. Да.

Мать. Я предлагала Милану: если он захочет, я могу со временем переехать от вас.

Лида. Он ни за что не согласится.

Мать. Согласится! Две женщины под одной крышей — это никогда не приводило к добру. *(Смеется)*. Теперь вы для него важнее.

Лида. Ну, не говорите!

Мать. Так лучше, Лидушка. Я вечно баловала его, пора вам сменить меня. Ведь вы его любите так же сильно, как и я, не правда ли?

Лида. Можете не беспокоиться. *(Роняет блюдце, оно разбивается. Быстро подбирает осколки, мать помогает ей)*. Не сердитесь.

Мать. За что? *(Смеется)*. Все это уже ваше. Посуда бьется, девочка, к счастью, а я вам желаю много счастья!

Лида *(растроганно)*. Спасибо...

4

Проекция погасла, исчезли и мебель и женщины. Входит Милан в черном костюме, с букетом. Он расстроен, поглядывает на часы. Отвечает машинально.

Человек в мантии. Хорошо с ней побеседовала ваша матушка.

Милан. Хорошо.

Человек в мантии. Что Лида об этом рассказывала?

Милан. Ничего. Они встретились тайно от меня, и Лида сдержала слово.

Человек в мантии. А мать проговорила? Но вы куда-то торопитесь! На похороны?

Милан. У меня сегодня свадьба.

Человек в мантии. Простите, но по вашему виду этого не заметно.

Милан. Я не знаю, что с Лидой.

Человек в мантии. Как что с Лидой?

Стибор. Она должна была прийти с подругой к нам. И не пришла. Я послал за ними в общежитие такси, но их и там не было. И здесь нет.

Кинопроекция: уголок комнаты ожидания в отделе регистрации браков. Тихо звучит хор Дворжака «На дороге белые цветы». Негромкий голос в репродукторе: «Прошу войти брачавшихся гражданина Стибора и гражданку Матисову».

Входит взволнованная Мать.

Стибор. Нет их?

Мать. Нету.

Стибор. Что могло случиться?

Мать. Не знаю, но надеюсь — что-то серьезное.

Стибор. Мама!

Мать. Милан, ты не замечаешь, над нами уже смеются! Регистратор спрашивает, не я ли невеста. Я здесь единственная женщина!

Стибор. Может быть, она пошла за чем-нибудь... *(Он облегченно вскрикивает)*. Майка! *(Входит высокая, коротко остриженная девушка, ро-*

весница Лиды). Это — ее подруга. Моя мать. Что с вами, где Лида? Скорей!

М а й к а. Разве Лиды здесь нет?

С т и б о р. Нет... Куда она пошла, когда?

М а й к а. Ее не было дома со вчерашнего вечера, я думала, она заночевала у вас...

С т и б о р. Ничего не понимаю...

М а т ь. А я, кажется, начинаю понимать.

Г о л о с и з р е п р о д у к т о р а. Прошу войти брачащихся гражданка Стибора и гражданку Матисову.

С т и б о р (*внезапно решил*). Я иду в полицию.

Уходит. Мать бежит за сцену.

М а т ь. Простите, у нас произошло нечто серьезное...

5

Музыка умолкает. Проекция гаснет. На сцене стоит только пораженная Майка. Когда к ней подходит Человек в мантии, она делает движение в сторону кулис, но останавливается; отвечает недоверчиво, неохотно, погруженная в свои мысли.

Ч е л о в е к в м а н т и и. Гражданка Грабетова?

М а й к а. Вы меня знаете?

Ч е л о в е к в м а н т и и. Не более, чем нужно для дела. Где она может быть?

М а й к а. Понятия не имею.

Ч е л о в е к в м а н т и и. Была ли она в последнее время нормальной?

М а й к а. Была нормально задумчива.

Ч е л о в е к в м а н т и и. Готовилась к свадьбе?

М а й к а. Конечно!

Ч е л о в е к в м а н т и и. Они с Миладом не поссорились?

М а й к а. Понятия не имею. Как будто нет.

Ч е л о в е к в м а н т и и. Не замечали ли вы признаков... Не думала ли она о самоубийстве?

М а й к а. Что за глупости! (*Уходит возмущенная*).

Ч е л о в е к в м а н т и и. Придется самой Матисовой разъяснить все это. Лида Матисова!

Кинопроекция: комната общежития, окно с видом на город. В полутьме видна двухспальная тахта, у которой застелена одна половина. Лида Матисова, в юбке и блузке, причесывается перед маленьким зеркалом. Ее жакет висит на спинке стула, туфли под стулом. Светает,

Ч е л о в е к в м а н т и и. Кто вы такая и что здесь делаете?

Л и д а (*вздрагивает, потом упрямо*). Видите — причесываюсь!

Ч е л о в е к в м а н т и и. В вашем положении, Матисова, я говорил бы спокойнее.

Тахта скрипит, проснувшийся Петр Петрус садится и протирает глаза.

Ч е л о в е к в м а н т и и (*неприятно удивлен*). Кто этот мужчина?

Л и д а. Гс-с...

Не обращая больше на него внимания, старается быстро надеть туфли и жакет, чтобы уйти раньше, чем Петрус окончательно проснется. Но не успевает.

П е т р. Лида!

Лида стоит, он сидит, оба не двигаются. Потом Петр протягивает к ней руки; Лида подходит, пожимает их, подсаживается. Сидят, прильнув лицом к лицу.

П е т р. Лида, я видел страшный сон... Мне снилось, будто все это мне приснилось. Лидочка, что с тобой? Почему ты молчишь?

Л и д а (*опомнилась, гладит его*). Ничего... я думаю...

Петр. Сейчас... Нет, Лида, сейчас еще не надо. Подумать нам придется, хоть и не хочется, но времени впереди много. (*Ложится на спину и привлекает ее к себе*). Когда мы с тобой расстались? В октябре, кажется? Как это было в письме?

Лида. «Вычеркнуть друг друга из жизни...»

Петр. Зачем ты это написала?

Лида. Я знала — так будет лучше.

Петр. Знала — и не сказала мне. На вокзале ты говорила так... естественно, смеялась, даже прощаться не захотела!

Лида. Ненавижу прощаться!

Петр. Когда поезд ушел, я побрел по шпалам — далеко, за станцию, и там... Представь себе, поцеловал рельсы!

Оба счастливы и растроганы.

6

Проекция гаснет. Человек в мантии нетерпеливо ожидает подходящую к нему Матисову.

Человек в мантии. Я с нетерпением жду ваших объяснений.

Лида. Мне нечего объяснять. Петр был моей первой и самой большой любовью. Но мы оба были так молоды... я не хотела связывать его, не верила, что он тоже... и только поэтому порвала с ним, когда уезжала из Праги на пять лет. Иметь его и не иметь — это не жизнь! Уж лучше «вычеркнуть»!

Человек в мантии. Я имею в виду...

Лида. Вы имеете в виду то же, что и я. Но я уверена, что здесь все в порядке. Я его люблю, я все еще люблю его. Я это чувствовала. Когда я вчера встретила его, то поняла — он позовет меня. И я его не оттолкну. И когда шла, знала, что останусь с ним. Вероятно, я еще не могу себе представить всех последствий. Но знаю, что это было правильно, а для меня всегда главное — чувствовать себя правой. Впрочем, я никому не обязана давать отчет.

Человек в мантии. Де-юре, конечно, но де-факто? У нас есть много поводов предполагать, что гражданин Стибор вас любил со всей присущей ему искренностью. Кажется, вы не сдерживали его чувств, а наоборот, поощряли, что и привело к логическому завершению: к намерению узаконить ваши отношения с тем, чтобы он мог беспрепятственно, гм... осуществлять свои супружеские функции — вы меня понимаете?

Лида. Он хотел на мне жениться, и я согласилась, потому что он хороший человек и потому что я его... потому что я ничего против него не имела...

Человек в мантии, Матисова! В протоколе записаны ваши слова. (*Листает бумаги*). На вопрос Милана Стибора: «Ты меня не любишь?» вы ответили: «Разве ты не видишь?», а на его настойчивое «Лида!» сказали: «Смотри у меня, не простудись». Эти слова, произнесенные соответствующим тоном и подкрепленные поцелуем, означают приблизительно одно и то же. Разве из всего этого, как и из других фактов, он должен был сделать вывод, что вы всего-навсего «ничего не имели против него»?

Лида. Вы намного старше меня. Скажите, вам никогда не случилось отвечать определеннее и серьезнее, чем вам бы хотелось, только для того, чтобы не причинять страданий?

Человек в мантии. Иными словами, вы определяете сущность своего отношения к нему как сострадание. И сообщаете, что вы его не любили в полном смысле этого слова.

Лида. Нет, не так! Я любила...

Человек в мантии. Так что же — любили или не любили?

Л и д а. Пожалуйста, не кричите... Любовь, вероятно, сложнее... Вы никогда не были влюблены?

Человек в мантии (*ворчит*). Позвольте... спрашивать буду я. И так, вы его скорее любили, чем не любили. Хорошо мы поняли друг друга? В таких случаях решающими являются дальнейшие обстоятельства. Осведомленность о его чувстве, данное слово, бережное отношение к его престижу...

Л и д а. Послушайте! Вы что, любитель вивисекции? Разве мало я сама себя мучаю? И Петра я измучила, он пошел проводить свой первый семинар, и мое молчание утром тревожило его больше, чем... У входа на факультет он остановился...

Кинопроекция: тротуар перед порталом с колоннами. Позднее утро. Издалека доносится разноголосый повседневный шум. Моросит дождь. Лида делает несколько шагов вперед, потом медленно возвращается к стоящему Петру.

П е т р. Лида! Лида, чего ты боишься?

Л и д а (*внезапно падая духом*). Позора...

П е т р. Послушай, Лида, но разве мы живем в средние века? Разве это позор — не выйти за человека, которого не любишь? А выйти за него — как это называется?

Л и д а. Но я ему...

П е т р. Он заморочил тебе голову до того, что ты поверила, будто его любишь. Слава богу, ты вовремя разобралась. Конечно, приятного мало, но все же так лучше и для него и для тебя.

Лида кладет ему голову на плечо.

Человек в мантии. Эй, молодые люди!

П е т р (*в порыве чувства гладит ее волосы*). Лидочка, ты моя умная, ты моя печальная. Как ты можешь сегодня мучиться? (*Продолжает тише и серьезнее*). За четыре года много воды утекло... Я еще не сказал тебе...

Лиду испугала новая нотка в его голосе, она подымает голову.

Л и д а. Ты меня любишь?

П е т р. Люблю.

Л и д а. Значит, ты сказал мне самое главное.

Целуются среди бела дня.

Человек в мантии. Промокнете!.. Вас кто-нибудь увидит... (*Но они все целуются, не замечая, как мимо проходит Майка Грабетова: увидев их, она окаменела*). Ну вот, пожалуйста...

М а й к а. Боже мой, Лида... что это...

Человек в мантии. Она «нормально задумчива».

М а й к а. А это ассистент Петрус?

Человек в мантии. Не имею представления. Продолжайте, пожалуйста.

Машет рукой, чтобы она ушла со сцены. Влюбленные уже не целуются, они держатся за руки и глядят в глаза друг другу. Петрус восторженно шепчет.

П е т р. Сегодня я буду читать для тебя.

Л и д а (*ищет платок в сумочке*). Как я об этом узнаю?

П е т р. Как? Ну, например... например, я подам тебе условный знак, ладно? Хотя бы вот так — положу руку на галстук... (*оба смеются*): Лида, Лида, ты всегда превращаешь меня в мальчишку... но это чудесно!

Увидел в ее сумочке фотографию, быстро вытащил.

Л и д а. Отдай!

П е т р. Не отдам! Чтобы ты всегда была со мной.

Л и д а. Разве можно быть больше с тобой, чем я? (*Вытирает мокрые глаза, смотрится в осколочек зеркала*). Я в порядке?

Петр. В наилучшем порядке!

Еще раз целуются.

Лида. Ни пуха ни пера!

Уходит... Петр провожает ее глазами, потом идет следом. Человек в мантии пытается его остановить.

Человек в мантии. Послушайте, друг мой...

Но к Петрусу уже подходит широкоплечий парень. Он стряхивает воду со шляпы и дружески берет Петруса под руку.

Тошек. Ну как, товарищ Петрус? Сегодня твоя первая лекция?

Петр. Честь труду, товарищ Тошек!

Тошек. Только — надолго ли ты к нам?

Петр (*слегка обеспокоен*). А в чем дело?

Тошек. Китай-то не за горами.

Петр. Какой Китай?

Тошек. Петрус, да я ведь о твоей поездке. О тебе уже запрашивали.

Петр (*понял, просиял*). А, вы про это! Чудесная погода, не правда ли?

Тошек (*взглянул на мокрую улицу, потом на Петруса*). Да ведь льет...

Петр (*удивленно улыбаясь*). И верно...

7

Петрус входит в здание факультета. Тошек задерживается, остановленный жестом Человека в мантии.

Человек в мантии. Свидетель Антонин Тошек, год рождения 1911, работник отдела кадров факультета.

Тошек. Все точно.

Человек в мантии. Вы знаете ассистента Петруса?

Тошек. Да... Конечно, только по документам, это у нас новый кадр. Но он приехал к нам из Брно, а на характеристики из Брно можно положиться, там работает толковый товарищ...

Человек в мантии. Что написано в характеристике?

Тошек. Судя по характеристике, Петрус — сознательный и честный человек. Основал там парторганизацию, полгода работал на стройке, вел кружок политграмоты. К тому же он исключительно одаренный ученый. Знаете, я не специалист, но семейное право...

Человек в мантии. Меня прежде всего интересует он сам...

Тошек. А в чем дело? Есть что-нибудь компрометирующее?

Человек в мантии. Об этом-то я вас и спрашиваю.

Тошек. Ах так. Нет! Как я уже сказал, мне он кажется весьма положительным, и я не удивляюсь, что его выбрали для поездки в Китай. У него все данные.

Человек в мантии. Какие?

Тошек. Я уже сказал: политически зрелый, способный, упорный...

Человек в мантии. Дальше?

Тошек. Здоровый, с характером...

Человек в мантии. Еще?

Тошек. Женатый.

Человек в мантии (*удивленно*). Женатый?

Тошек. Женатый. В такие командировки мы стараемся посылать женатых. Это для него большой плюс...

Человек в мантии. Весьма относительный...

Вспыхивает кинопроекция: в глубине сцены — кабинет, где происходит семинар. Двадцать человек аплодируют вводному слову Петруса. Петрус сидит верхом на стуле, лицом к слушателям. Речь его становится все более одушевленной, так как он обращается прежде всего к Лиде.

Петрус. Сменялись правители, сменялись поколения, сменялись общественные системы. А женщины страдали по-прежнему. Потом наступил день, когда они вместе со своими отцами, возлюбленными и мужьями разгромили Бастилию. В этот вечер под гром «Карманьолы» им казалось, будто отныне и для них засияла свобода и равенство, будто теперь они сами будут творить свою судьбу, бороться за свое счастье, свою любовь. *(Он уже не может сидеть, оперся коленом о сиденье, судорожно сжимая рукой спинку стула)*. Но капитализм обманул их и предал так же, как их предавали все предшествующие общественные формации. Он окружил женщин стеной общественных преград, замуровал в гробницу предрассудков. Лживая мораль сделала их сердца еще голоднее, чем нужда сделала их желудки; эта лживая мораль превратила их в добровольных рабынь, заставляла выходить замуж не по велению чувства, а по требованию родителей, церкви, класса или простой условности. *(Петрус встает, глядит туда, где, по его предположению, сидит Лида)*. Этот строй умер, погребен, уничтожен без возврата. Социализм освободил и руки и сердца. Но это не означает, что все изменилось по маговению волшебной палочки. *(Как бы невольно берется за галстук)*. Есть еще женщины, готовые вступить в брак только для того, чтобы не погрешить против каких-то норм общественной жизни. Но ведь именно наше общество стоит на их стороне и будет поддерживать любой бунт против остатков бесчеловечного прошлого. Базой, исходной точкой и мерилом всех человеческих отношений должна быть отныне и навеки любовь, и только любовь!

8

Под бурные аплодисменты проекция гаснет. Взволнованный Петрус, механически поправив галстук, опускает руку, причесывается и зажигает сигарету.

Человек в мантии. Вы имели успех.

Петрус *(скромно)*. Надо себя сдерживать. Я увлекаюсь, а ведь на семинарах прежде всего должны говорить слушатели.

Человек в мантии. Кстати, вы не знаете, где Лида?

Петрус. Я жду ее.

Человек в мантии. Мне кажется, она пошла к Стибору.

Петрус. Ах!

Человек в мантии. Вы бы стали ее отговаривать?

Петрус. Нет, наоборот, но...

Человек в мантии. Но сначала вы собирались ей кое-что сообщить?

Петрус. Да. *(Нервно поглядывает на дверь)*.

Человек в мантии. Она, конечно, узнает.

Петрус. Хорошо, но поймите! Она должна услышать об этом от меня.

Человек в мантии. Почему же она до сих пор не услышала? Или у нее плохой слух?

Петрус. Послушайте, не можете ли вы разговаривать в другом тоне? Я не прохвост и в любое время могу объяснить и обосновать все свои поступки.

Человек в мантии. Меня интересует именно это.

Петрус. Вчера у меня было ужасное настроение... по ряду причин... Когда я встретил Лиду, мы оба потеряли голову. Я — материалист, но в этой встрече было нечто... нечто необыкновенное. Вы должны знать,

что Лида была... была моей самой большой любовью. Когда она уехала, когда потом написала мне, я страдал, как раненый зверь. А вчера страдала Лида, я это видел. Но вместе с тем я понял, что нужен ей, что она хочет меня, а я — ее. Мы почувствовали что-то... что-то...

Человек в мантии. Для ученого ваши определения недостаточно точны.

Петрус. Полагаю, и вы когда-нибудь любили. Были вы тогда в состоянии точно формулировать свои переживания?

Человек в мантии. Продолжайте,

Петрус. Мы сидели и держали друг друга за руки. Молча. Словно сами не верили этому. Я хотел ей сказать... и не смог. Просто не смог, и не стыжусь этого. А потом случилось... как пять лет тому назад в горах. И я нисколько, ничуть не стыжусь этого. Потому что я люблю ее — если только вам понятно, что это такое!

Человек в мантии. Что вы собираетесь теперь делать?

Петрус. То, что мне приказывает моя совесть.

Человек в мантии. Жму вам руку.

Кинопроекция: окно маленького кафе. с надписями на стекле. Под окном столик, два стула. Лида сидит; Стибор со свадебным букетом в руке стоит нерешительно, потом садится за столик. Молчат. Подлетел официант. Приподнял букет, положенный Стибором на столик, и, непрерывно болтая, сметает со стола. Радио передает веселую музыку.

Официант. Вот зарядил дождь, правда? Что поделаешь, ноябрь берет свое. Хорошо еще, сердечко нас греет, не так ли? Чашечка кофе, думаю, не повредит?

Оба кивают головой, официант исчезает. Им хочется поговорить, но Стибор ждет, что скажет Лида, а Лида не может вымолвить ни слова. За окном гремит трамвай, из-за соседних столиков доносится говор и смех. Официант приносит кофе и — по собственной инициативе — пирожное. Снова сыплет словами.

Официант. Два мокко из Ориноко и кое-что на зубок. Организму полезно, талии не испортит, не так ли?

Лида и Стибор не возражают. Официант по-своему истолковывает их молчание и моментально приносит сатирический журнал.

Официант. Даме... Смех — не грех!

Человек в мантии (*подчеркнув первое слово*). Барышня ничего не заказывала.

Официант (*глядя на них, ударяет себя по лбу*). Пардон, я думал, вы — супруги... дурак... увидел цветы...

Исчезает, но заколдованный круг прорван. Милан берет в свои ладони руку Лиды, которая взяла было ложку.

Стибор. Лида! Ты ведь понимаешь, каково мне. Быть может, я должен был обидеться, кричать или... но я пока ничего не понимаю..

Лида. Милан...

Стибор. И не хочу понимать, Лида. Я люблю тебя. Не буду ни о чем спрашивать — ни теперь, ни потом. Я на все согласен. Поженимся без этих формальностей, без матери... Нет, Лида, ты несправедлива к ней, но и это не имеет для меня никакого значения, потому что...

Лида. Милан! Я не могу... Мне очень тяжело сделать тебе больно...

Стибор. А ты скажи мне все-таки...

Лида. Я... люблю...

Стибор. Кого?

Лида. Его. Ты знаешь... Его перевели сюда, и мы встретились...

Милан! Милан, мы с тобой еще мало знаем друг друга, ты же понимаешь, как все это... Вот уж действительно горе от ума! Мне не нужно твоего прощения, только пойми меня...

Пауза.

Стибор (*хочет заговорить, но не может — горло перехватило, откашливается, потом хрипло*). Я повторяю... Ни о чем тебя не спрошу... Я согласен на все...

Лида. Я была у него!

Стибор (*хрипло*). Ты свободный человек. Что было до свадьбы — меня не касается. Мы поженимся и начнем новую...

Лида (*ошеломленная и подавленная нечеловеческим самоотвержением Милана, в отчаянии прерывает его*). Милан, ради бога, как ты можешь? Я никогда не сделала бы этого, если бы... Все случилось только потому, что мы с ним давно уже... Как мог бы ты жить со мной после этого, Милан?

Стибор (*из последних сил*). Лида, я люблю тебя...

Лида. Но я тебя не люблю... Я тебя не...

Встает с рыданиями и убегает. Стибор секунду стоит, как изваяние, потом в нем просыпаются безграничная ярость и скорбь. Он вскакивает, кричит вслед Лиде.

Стибор. Я ему отплачу за это. Отплачу!

Официант (*услышав последние слова, появляется с блокнотом*). Платить? Пожалуйста.

Проекция гаснет. Официант подходит к рампе, кладет деньги в кошелек и прячет его в карман.

9

Человек в мантии. Официант!

Официант. Готов служить, пан советник.

Человек в мантии. Я не советник.

Официант. Простите, пан доктор. У нас есть румынское белое, только его в рот не возьмешь. Я бы рекомендовал вам Бикавер: нальешь — пропадешь ни за грош. А то можно подогреть, не желаете?

Человек в мантии. Я не доктор. Что вы думаете об этой паре?

Официант. Ах вот что! К сожалению, не могу, не могу служить! Постоянных посетителей знаем, но перелетных — ведь в кафе всякий сброд лезет — на учет не берем...

Человек в мантии. Ваша профессия, официант, за годы работы несомненно выработала в вас способности к наблюдениям. В данном случае с меня достаточно вашего впечатления.

Официант. К вашим услугам! Ну, так впечатление, я бы сказал, неважное. Хуже всего, когда любовники смахивают на супругов, не так ли? Этот пан слегка... мямля.

Человек в мантии. Как, простите?

Официант. Мягкой души человек, ясно? Придет, сядет и молчит. Можете подать ему манную кашку, он и не пикнет, съест. Это и нашего брата обидит. Барышня — та, не знаю... Фигли-мигли... Что в ней есть и что она натворит — в этом и повар не разберется, вот что. Осмелюсь спросить, пан комиссар, в чем загвоздка? Прелюбодеяние или жульничество? В тридцать восьмом, нет, в тридцать седьмом у нас застучали Шпаргля, специалиста по сейфам, у него тогда... было с той девчонкой...

Человек в мантии. Я не комиссар. Я интересуюсь только...

Официант (*сразу холодно*). А! Тогда — извините. Информацию для печати получают в дирекции, а здесь — только холодные и горячие напитки. Мое почтение.

Человек в мантии (*несколько задет; стараясь сгладить неприятное впечатление, заглядывает в свои бумаги и вызывает официальным тоном*). Вацлав Краль! Вацлав Краль!

Голос в зале. Здесь...

Человек в мантии (*строго глядя в зал*). Ну, чего же вы? Пожалуйте. Сюда, конечно.

Краль. Но я потом переехал, так что...

Человек в мантии. И при переезде потеряли память?

Краль. Нет, нет...

Человек в мантии. Так идите на сцену. (*Ждет. На сцену поднимается смущенный долговязый человек, который не знает, что делать со своими руками*). Вацлав Краль, год рождения 1928, ассистент кафедр-ры слабых токов...

Краль. Да.

Человек в мантии. Обвинение вызывает вас как свидетеля, поскольку вы жили в одной комнате с Петром Петрусом.

Краль. Я уже там не живу, я еще до этого...

Человек в мантии. Но жили там в то время, когда Петрус снова встретил Лиду Матисову?

Краль. Тогда — да.

Человек в мантии. То-то. Кстати, где вы спали в ту ночь?

Краль. В ванной.

Человек в мантии. Как, как?

Краль. Видите ли... у нас в общежитии, когда к кому-нибудь приезжает жена или...

Человек в мантии. Или?

Краль. Или — так... тогда коллега обычно уходит...

Человек в мантии. А это разрешается?

Краль. Не разрешается, но... такова жизнь... а в ту ночь как раз все были дома, так что пришлось ночевать в ванной... Петрус тоже, когда порой моя жена...

Человек в мантии. Ваша жена или так..?

Краль. Жена, я женат.

Человек в мантии. Петрус тоже.

Краль. Да, но он хотел... Я думал... потому что он славный парень и сказал...

Человек в мантии. Что он сказал?

Краль. Я его спросил: слушай, брат, ладно, но как же...

Проекция: знакомое окно с видом на город. За окном — ночь. Двухспальная тахта постелена. Петрус лежит одетый и прихлебывает кофе. Краль снимает пиджак и рубашку, надевает пижаму. На окне приемник играет «Талисман» Бетховена.

К приемнику прислонена фотография Лиды.

Петр. Иногда живешь годами, словно в тихой заводи, а потом вдруг за один день все летит вверх тормашками...

Краль. Да уж... А что ты собираешься делать? Только так — или?..

Петр. В том-то и ужас... Приходится спрашивать самого себя: которую из них нельзя обидеть?.. Потому что одну я непременно обижу...

Краль. А что за человек твоя жена?

Петр. Моя жена... Моя жена особенный человек... районный врач... самоотверженна до предела, но чувство... Вашек, мы живем так уже второй год. Я в одном месте, она в другом. А я ей и не нужен. Приезжал к ней, и мне казалось, будто я входил в комнату, из которой только что вышел. Абсолютно ничего, понимаешь? А Лиды... Лиды ради меня... Понимаешь?

Краль. Так что же ты хочешь сделать?

Петр. Само собой, разведусь...

Краль. Если это такая любовь...

Стук в дверь. Петр садится. Вашек быстро надевает пиджак.

Петр. Войдите...

Входит Лида Матисова. Петр одним прыжком очутился возле нее.

Петр. Лида! Это — Лида Матисова...

Краль. Краль...

Петр (*пытается шутить*). Краль, король Вацлав, прямой потомок императора Карла. Ну, садись... и будь как дома, Вашек все знает...

Краль (*смуценно смеется и героически берет полотенце*). Ну, я пошел купаться...

Уходит. Петр не знает, как выразить свою нежность. Гладит Лиду по волосам.

Петр. Лидочка...

Лида. Петр... (*Уже по ее сдавленному голосу можно судить, что привела ее сюда отнюдь не жажда ласки*). Майка мне сказала, что... что будто...

Петр (*усаживает ее на тахту, садится рядом и берет ее руки в свои*). Лида! Я хотел еще вчера, но ты... ты не дала мне сказать... И хорошо, что не дала! По крайней мере, произошло то, что было. Ты ведь и сама не сумела, не захотела говорить о своем...

Лида. Как ее зовут?

Петр. Лида.

Лида (*грустно улыбаясь*). Лида...

Петр. Из-за имени я и женился... Лида... Разве это так важно?

Лида. Что — важно?

Петр. Я спрашиваю, важно ли это. Ты меня любишь? Любишь! Я тебя тоже, Лида. И важнее этого нет ничего, ты сама так сказала. А раз мы оба это знаем, то и знаем, что нам делать.

Лида. Что делать?

Петр (*встает и глядит на нее, взволнованную*). Я женюсь на тебе... Если ты согласна... А ты согласна, правда?

Оба не двигаются, глядят друг на друга. Так проходит минута или час. Потом Петрус стремительно срывает простыни Вашека и несет их к двери. Сильно звучит музыка.

10

Проекция гаснет. На авансцену входят взволнованные Стиборова и Милан. Стиборова на ходу застегивает пальто.

Стибор. Куда она пошла? Куда?

Человек в мантии. Куда вы идете, пани Стиборова?

Мать. Я не могу видеть, как он терзается. Я не допущу, чтобы люди над ним смеялись.

Стибор. Что она хочет сделать?

Человек в мантии. Я вам буду очень обязан, если вы мне ответите.

Мать. Я иду на факультет.

Стибор. Бога ради, зачем?

Мать. Я не допущу, чтобы на его репутацию легло пятно. Он не должен оставлять это так.

Стибор. А я не допущу, чтобы она обидела Лиду. Лида — честная, честная... Во всем виноват тот, другой!

Мать. Пусть он успокоится, я его мать и ничего не сделаю против его воли. Я прекрасно понимаю, на ком вся ответственность. Ради бога, пусть он не мучается, пусть позволит мне действовать для его же пользы...

Стибор (*слабо*). Во всем виноват тот... (*Уходит*).

Человек в мантии. Я считал, основываясь на вашей автобиографии, пани Стиборова, что вы — лучший психолог.

Мать. Что вы хотите сказать?

Человек в мантии. Допустим, вы добьетесь, что Петрус будет морально осужден, может быть возвращен на прежнее место работы. А результат? Лида Матисова опомнится, падет духом, говоря литературным языком — уничтожит его в своем сердце. А что, если она захочет вознаградить вашего сына за обиду? Если не ошибаюсь, он предложил ей...

М а т ь. И все-таки я не настолько плохой психолог, чтобы сообщить своему сыну, в его душевном состоянии, против кого я хочу действовать.

Человек в мантии. Уж не против ли...

М а т ь. Конечно! Петрус меня не интересует, я чувствую к нему только некоторую благодарность! Вы должны примириться с тем, что, спасая утопающего, не думают о средствах. Будь я верующей — я, быть может, назвала бы появление Петруса чудом. Но я верю только себе и своей любви к Милану и поэтому позабочусь укрепить это чудо. Лида! Лида должна исчезнуть. Пока он ходит с ней по одним улицам, дышит одним воздухом — Милан не найдет покоя.

Человек в мантии. Хотел бы я знать, как вы этого добьетесь.

М а т ь. Добьюсь, добьюсь! Ради его счастья, его таланта — добьюсь. Если нет — перестану верить в вашу справедливость!

Вспыхивает кинопроекция: канцелярия факультета, на стенах расписания занятий. За столом сидит озабоченный Тошек, против него, на краешке стула — Лида Матисова.

Т о ш е к. Послушайте, вы должны ее понять. Я ее не знаю, но как-ва бы она ни была, надо представить себе ее положение. Мать все-таки... И она говорит: как может такой человек воспитывать молодежь или стоять на страже законов... Я вовсе не хочу осуждать вас, но вы обязаны задуматься... Может, вам все-таки следовало бы высказаться... (*Лида молчит. Тошек задумчиво потирает заросший подбородок*). Так довольно трудно договориться.

Л и д а. Разве все это не мое личное дело?

Т о ш е к (*вздыхает, встает, подходит к окну и чертит на стекле пальцем*). Товарищ Матисова, я представляю себе, что вы обо мне, наверное, думаете. Работник отдела кадров... а тут такой вопрос... Но я не инквизитор. Просто здесь положение... сложное, необычное. Вопрос трудно решить самим заинтересованным лицам. Товарищ... (*рисует пальцем большое «М»*). Я не хочу говорить об этом... (*чертит плюс и дробную черту, над ней пишет большое «С»*). Но вы знаете, что товарищ (*под дробной чертой пишет большое «П»*)... женат? (*Пишет за «П» минус «Х» и потом знак равенства*).

Л и д а. Да!

Т о ш е к. Так. И вы думаете, это правильно? (*Ставит вопросительный знак*).

Л и д а. Мы любим друг друга...

Т о ш е к. Ну... Если любите... Вы не понимаете разве, как вы усложняете его жизнь?

11

Проекция гаснет. Человек в мантии испытующе глядит то на Лиду, то на Петруса, который ищет по карманам спички; он взволнован и огорчен. Хотя Лида и Петрус разговаривают между собой, слова их адресованы Человеку в мантии.

П е т р. Прежде всего, до этого никому нет дела!

Л и д а. Я и сказала, что это наше дело...

Человек в мантии. А он?

П е т р. Чего он хочет? Какая у него цель?

Л и д а (*Человеку в мантии*). Чтобы я с Петром разошлась.

Петр (*со злостью зажигает сигарету и отбрасывает спичку*). Какое он имеет право! Как он смеет!

Лида. А что, если...

Петр. Что — если?

Лида. А что, если он прав?

Петр (*поражен, но отчаяние в ее глазах заставляет его бросить на пол и растоптать сигарету*). Лида... Лида, ты с ума сошла?

Лида. Если я действительно только усложняю тебе...

Человек в мантии мрачно наблюдает за ними. Петр глядит на него, на Лиду. Потом обнимает ее и тихо говорит, приблизив губы к ее волосам и обращаясь к Человеку в мантии.

Петр. Зачем она мучит себя? Мы ведь решили, значит так и будет... Разве я мог бы... Или она не верит мне?

Лида. Верю!

Петр. Вечером я позвоню Лиде... А с Тошеком поговорю сейчас же! (*Нежно целует ее и уходит*).

Проекция: снова канцелярия факультета. Петрус нервно прохаживается, зажигая сигарету. Говорит один Тошек, сосредоточенно чертя что-то в блокноте.

Тошек. Я знаю, так бывает... может случиться... но ты, конечно, сам видишь, что данный случай сложнее обычного. Ваши дела — это ваши дела. Не думай, что это для меня развлечение, но я должен беречь людей, на образование которых тратило средства государство. Слушай, давай не будем терять времени и дергать нервы... Конечно, если это такая любовь, как ты говоришь, тогда надо кончить разговор. (*Нарисовал восклицательный знак*). А если...

Нарисовал вопросительный знак. Петр не выдерживает, останавливается, спрашивает.

Петр. Если что?

Тошек (*зачеркивает все и далеко отодвигает блокнот*). Если нет — тогда Матисова действительно не имеет права... ставить под угрозу чужую семью, вставать поперек дороги... потому что развод заставил бы пересмотреть перспективы твоей дальнейшей работы и...

Петр. Послушай, товарищ! При чем тут Матисова? Что она, соблазнила меня, что ли? Не сердись, но мало того, что ты несправедлив к ней, ты еще оскорбляешь и меня. Я отвечаю за все в той же мере, что и Лида, а Лида не виновата так же, как и я.

Тошек. Тебе виднее. Твоя жена уже знает?

Петр. Нет, но не беспокойся, пожалуйста, никогда в жизни я не делал подлостей и понимаю свои обязанности. Как раз сегодня я собирался ей..

Входит Майка Грабетова, она останавливается у порога, обращается к Тошеку.

Майка. Пardon, я зайду позднее... (*Но ее жжет любопытство, она снова оборачивается*). Товарищ Петрус, завтра партбюро, от нас уже требуют характеристику... это насчет Китая...

Петр. Вот как...

Майка. Прошу вас, только для ясности: вы ведь хотели ехать с женой?

Петр (*растерянно*). Да... она как врач... сначала решила... (*Потом в нем пробуждается упрямство. Заявляет, глядя на обоих*). Сегодня вечером я позвоню ей.

Тошек (*настойчиво*). Подожди еще хоть день-два, может, как-нибудь... (*Но Петрус уходит*).

Проекция гаснет: на авансцену выходят озабоченный Тошек и решительная Майка.

Тошек. Как об стену горох. Повторяет одно и то же.

Майка. Что он, совсем рехнулся?

Тошек. Кажется, они в самом деле влюбились.

Майка. Боже мой, но он обязан с ней порвать!

Человек в мантии. Хм-хм...

Майка. Что вы сказали?

Человек в мантии. Если считать бесспорным ваше утверждение, будто вы ее подруга, не могу не удивляться тому, насколько своеобразно вы понимаете это слово.

Майка. Попали пальцем в небо! Я искренний и давнишний ее друг, но... во-первых, не собираюсь из-за этого отказываться от своих моральных принципов, а во-вторых, хочу только пользы для...

Человек в мантии. Для кого?

Майка. Как — для кого?

Человек в мантии. Для нее или для него?

Майка. Ах вот оно что! Считаю для себя унизительным доказывать, что у меня нет никаких побочных целей.

Человек в мантии. Помнится, я ничего подобного вам и не приписывал. Мне не настолько ясны ваши мотивы, чтобы я заранее мог сомневаться в их благородстве.

Майка. У меня только один мотив, и вполне убедительный. Петрус — человек высокой квалификации, умеет сразу завоевать доверие, симпатию. Он может быть исключительно полезным для нашего общего дела, вернее, мог бы быть. А теперь? Нет, я не сухарь, это знает прежде всего Лида, таким прозвищем бросаются люди, у которых не хватает аргументов. Я утверждаю и буду утверждать, хотя бы мне пришлось выступать против самого дорогого мне человека, что никто не имеет права губить судьбу другого ради мимолетной вспышки, ради иллюзии, ради мечты.

Человек в мантии. В вашей интересной философии есть один изъян. А если это не мимолетная вспышка?

Майка. А я утверждаю, что мимолетная.

Человек в мантии. Почему вы так... думаете?

Майка. Я — женщина... (Уходит).

Тошек. О-хо-хо!

Человек в мантии. Кажется, вы не так-то твердо в этом убеждены.

Тошек. Да нет! Думать я могу всякое... Но делать я должен то, что обязан делать. С этим телефонным звонком он мог бы обождать! Боюсь, он забегает вперед...

Человек в мантии. А я боюсь, что события предупредят его.

Проекция: кабинет врача. На белом столике — врачебные инструменты. Петrusова в белом халате вытирает руки. Где-то открылась дверь, доносится плач нескольких детей, гул голосов. Петrusова надевает очки и подымает голову, ожидая следующего пациента.

Петrusова. Следующий.

Входит Стиборова в пальто, с чемоданчиком в руке. Обе оглядывают друг друга.

Мать. Доктор Петrusова?

Петrusова (удивленно). Вам нехорошо?

Мать. Не мне, вам будет нехорошо. Себя-то я сумею защитить, и вам посоветую то же самое.

Петrusова. Не понимаю.

М а т ь (*садится, врач стоит*). Простите, я стояла в поезде от самой Праги. У нас обеих мало времени, я скажу вам все прямо — верю, что ваша... героическая профессия воспитала в вас необходимую стойкость...

Петрусова (*бледнеет*). Что случилось с Петром?

М а т ь. Физически — ничего не случилось. Речь идет не об этом. У меня даже есть причины думать, что он... что он вполне здоров. Правда...

Петрусова. У него какая-нибудь неприятность или...

М а т ь. Этого тоже нельзя сказать... в известном смысле наоборот, хотя... Короче говоря, мой сын имел несчастье познакомиться с несколько легкомысленной девушкой, которая решила выйти за него замуж. А ваш муж имел несчастье встретиться с ней накануне их свадьбы. И свадьба не состоялась, потому что ваш муж... Понимаете?

Петрусова. Кажется, да.

М а т ь. Быть может, вам еще больше скажет ее имя... Лида Матисова... он знал ее уже раньше. (*Петрусова садится за стол*). Доктор, я понимаю, что вы переживаете, но надеюсь, вы найдете в себе достаточно мужества: слишком чувствительные люди не избирают медицину своей профессией. В конце концов, пока это не трагедия; но все это могло бы стать трагедией в будущем. В интересах моего сына Матисова должна покинуть Прагу. Но, конечно, она вряд ли уедет, пока ваш муж... вы меня понимаете?

Петрусова (*глядя перед собой*). Понимаю.

М а т ь. Все, что зависело от меня, я сделала. Вы можете сделать больше; кроме супружеских чувств, на вашей стороне еще и закон. Поверьте, я не хотела причинять вам боли, но поймите отчаяние матери!

Петрусова. Да.

М а т ь. Меня тревожит судьба сына, вас — мужа. Если эту девушку не исключат или просто не переведут в другой город, может случиться несчастье. (*Петрусова неожиданно встала*). Ведь и в ваших интересах...

Петрусова. Мне лучше знать, что в моих интересах.

М а т ь. Я полагаю, доктор...

Петрусова. Простите, сегодня пятница, у меня — прием, много пациентов...

М а т ь (*встает, нерешительно берет в руки чемоданчик*). Так что же вы хотите делать?

Петрусова. Предоставьте, пожалуйста, это мне! (*Но когда мать, недовольная, выходит, все-таки тихо говорит ей вслед*). Спасибо вам. (*Петрусова осталась одна. Она снимает очки, протирает глаза, смотрит в пространство. Потом снова надевает очки, на ее лице появляется холодная маска*). Следующий!

Проекция гаснет. Доктор Петрусова снова сняла очки и выходит на авансцену. Теперь ее маловыразительное холодное лицо видно лучше.

Человек в мантии. Доктор Петрусова, на вас жаловался муж.

Петрусова. Очевидно, у него на это есть причины.

Человек в мантии. Вы на три года старше его.

Петрусова. Давно он это заметил?

Человек в мантии. Нет, это мне пришлось в голову без всякой задней мысли. Он никогда об этом не говорил.

Петрусова. Он не любит хвастаться.

Человек в мантии. Я спросил вас... меня интересует, когда вы познакомились и почему...

Петрусова. Я работала в поликлинике в Лужанках. Он пришел однажды на прием, жалуясь на боль в груди, но это было не сердце — он страдал вегетативным неврозом. Тогда он работал над дипломом и пережил нервное потрясение.

Человек в мантии. Какое это было... ах да...

Петрусова. Это произошло как-то в конце ноября, а в сочельник он ни с того ни с сего явился ко мне на квартиру. Ему было грустно дома, и он подумал обо мне.

Человек в мантии. Это было мило с его стороны, не правда ли?

Петрусова. Да.

Человек в мантии. И в такой день... Я понимаю, что...

Петрусова. В феврале мы поженились.

Человек в мантии. Однако он поторопился.

Петрусова. Я сама предложила ему. Дома ему мешали заниматься, а я целый день на работе, так что он мог...

Человек в мантии. Но ведь вы любили его?

Петрусова *(после паузы)*. В достаточной степени.

Человек в мантии. Потом вас перевели в район.

Петрусова. Нет, я сама вызвалась.

Человек в мантии. Ах так! Хотели показать пример сознательности?

Петрусова. Нет. Из чувства противоречия.

Человек в мантии. Противоречия? Чему?

Петрусова. Петр стал за эти два года видным работником... Хотя он еще ассистент, но его приглашали читать лекции, он печатался...

Человек в мантии. Загордился?

Петрусова. Пожалуй, нет!

Человек в мантии. Тогда в чем же дело? Я не понимаю вас, Петрусова.

Петрусова. Я поступила так вовсе не для того, чтобы вы меня понимали, а потому, что мне так хотелось.

Человек в мантии *(проглотил пилюлю)*. Да... Это... А что вы будете делать теперь?

Петрусова. Ничего.

Человек в мантии. Вы его не любите?

Петрусова. Я подумаю об этом. *(Хочет уйти)*.

Человек в мантии. Послушайте, доктор Петрусова... Если ваши мысли, ваши чувства соответствуют вашим словам, я перестану удивляться вашему мужу.

Петрусова. Да? Вот видите.

Человек в мантии. Но тут есть еще одно неизвестное: что, если вы думаете... совсем не то, что говорите?

Петрусова. Фантазии иногда вредят. *(Уходит. Человек в мантии раздражен)*.

Человек в мантии. Петр Петрус! *(Петрус выходит на авансцену)*. Почему вы, собственно, в нее влюбились?

Петр. Боже мой, почему люди влюбляются? Она была красивой и нежной, чуткой, полной жизни — недаром ее звали «Огонек». Была точной такой, о какой я всегда мечтал...

Человек в мантии. Значит, она так изменилась?

Петр. Совсем не изменилась. Ведь то, что она сделала...

Человек в мантии. Я говорю о вашей жене. А вы, очевидно, о другой.

Петр. Я говорил о Лиде...

Человек в мантии. О Лиде Матисовой. А меня интересует, почему вы женились на Петрусовой, или как там ее звали раньше. Ведь они — полная противоположность, не говоря уже о наружности.

Петр. Да, понимаю. Многие тогда были удивлены так же, как и вы. Но я только что потерял Лиду... А когда человек обожжется, он инстинктивно льет холодную воду на ожог...

Человек в мантии. Весьма лестно для вашей жены.

Петр. Не придирайтесь к словам, вы знаете, что я говорю в лучшем смысле. Она исключительно интеллигентна, тактична, она помогла мне пережить много трудных минут... И даже то, что она старше... казалось бы, это ничего не значит, а у меня впервые в жизни появилось ощущение покоя, уверенности — появилось время разобраться в самом себе, начать серьезную работу... К тому же, признаюсь, меня волновала ее гордость... пока она могла ее обуздывать.

Человек в мантии. Вы сказали «пока»?

Петр. Да, потому что в один прекрасный день все изменилось. Если я порой задерживался на факультете, то дома ее не заставал. Она до утра ходила по улицам.

Человек в мантии. Почему?

Петр. Начала ревновать. Упрекать. Совершенно бессмысленно. А я вспыльчив. Отвечал резко, она плакала. Потом мы не разговаривали. Стали отдаляться друг от друга. Это имело и более важное последствие, вы понимаете...

Человек в мантии. Так, так...

Петр. Потом на горизонте возникла поездка в Китай. Я верил, что она поможет нам обоим... И вдруг жена ни с того ни с сего подала заявление о переводе в район. Просто из гордости.

Человек в мантии. Вам ведь нравилась ее гордость?

Петр. Да, но не такая... нечеловеческая. Это отвратительное слово... отвратительное, но точное. Такой человек довольствуется самим собой. Такому никто не нужен. А мне нужно... чтобы кто-нибудь нуждался во мне. *(Звонит телефон)*. Простите, я вызываю жену.

Человек в мантии. Что вы ей скажете?

Петр. Что приеду... просить развода.

На проекции кабинет для семинарских занятий. На столе звонит телефон. Петр неуверенно берет трубку.

Петр. Петрус слушает... Это ошибка. *(Кладет трубку и набирает «0»)*. Алло, алло!..

Человек в мантии. Значит, вы решили.

Петр. Я обещал Лиде...

Человек в мантии. А Тошек, общественное мнение, ваше будущее...

Петр. Мы живем не в средневековье. Что же, я должен стать подлым?

Человек в мантии. Не спрашивайте меня об этом.

Стучат. Входит Тошек.

Тошек. Ты здесь? Все-таки звонишь...

Петр. Звоню.

Тошек. Когда ты ее в последний раз видел, свою жену?

Петр *(с удивлением)*. Месяц тому назад...

Тошек. Может, когда ты снова с ней встретишься... Она сейчас в невыгодном положении, согласись. Да и ты сейчас не в состоянии мыслить нормально, ты это сам чувствуешь. Что ты сможешь ей объяснить по телефону? И что хочешь услышать от нее? Мол, «любите друг друга на здоровье»? Петрус! Почему не подождать хоть несколько дней? Вдруг

ты поймешь, что вся эта история не стоит таких страданий! Люди часто приходят к выводу, что большое самоотречение сегодня во сто крат вознаграждается завтра. (*Петрус все еще держит трубку*). А вдруг сегодня ты понапрасну сделаешь ей больно? Сожженные мосты трудно восстановить... Я не хочу говорить о твоей ответственности.

Петр. К счастью, я понимаю свою ответственность! (*В телефон*). Девушка! Говорит Петрус. Подтверждаю свой вызов!

Пауза. Только сейчас Тошек прибегает к аргументу, ради которого он, собственно, и пришел.

Тошек. Тебя кто-то ищет...

Уступает дорогу вошедшему и уходит. Петрус встает перед Миланом Стибором. Он вежлив, но нетерпелив.

Петр. Что угодно?

Стибор. Ассистент Петрус?

Петр. Что вам угодно?

Стибор. Стибор. (*Секундная растерянность*).

Человек в мантии. Вы еще не знакомы?

14

Проекция гаснет.

Петр. Нет...

Стибор. Нет!

Человек в мантии. А вы ведь уже встречались.

Стибор. Никогда.

Человек в мантии. Стибор, что вы делали вечером накануне свадьбы, то есть 31 октября, ну, скажем, в шесть часов вечера?

Стибор. Это я знаю совершенно точно. Я стоял...

Человек в мантии. Где?

Стибор. У магазина «Советской книги» на Вацлавской площади...

Вспыхивает кинопроекция: вечер на Вацлавской площади, приглушенный шум столичного транспорта, прибой человеческих голосов.

Стибор. У нас было назначено свидание с Лидой, я достал билеты на хоккей...

Человек в мантии (*не веря своим ушам*). На хоккей?

Стибор. Играли шведы. Нет, я не сумасшедший, но нам надо было немного рассеяться, последние дни были такими напряженными... А Лида все не шла, и я боялся, что мы не успеем поужинать...

Нетерпеливо прохаживается, поглядывая на часы. Появляется Петр в плаще.

Петр. Простите, как пройти на Смечки — сюда?

Стибор. Можно и сюда, но так — ближе.

Петр. Благодарю вас. (*Уходит*).

Человек в мантии. Видите?

Стибор. Да, но не понимаю...

Человек в мантии. Петрус и пошел, куда вы показали. Но не прошел он и ста шагов...

С противоположных концов сцены выходят Петрус и Лида. Они заметили друг друга, остановились.

Петр. Лида!

Лида. Петр!

Петр. Лида... ты совсем не изменилась...

Лида. Ты тоже.

Стоят молча. Темнеет.

Петрус. Я приехал.

Л и д а. Знаю. Позавчера на факультете назвали твое имя, и с тех пор у меня все валится из рук.

П е т р у с. Почему?

Л и д а. Ну... А как ты живешь?

П е т р у с. Почему, Лида?

Л и д а. Не принимай всерьез, я так, болтаю...

П е т р у с. Выглядишь ты невесело.

Л и д а. Это тебе показалось.

П е т р у с (*решительно*). Лида, у тебя есть время?

Л и д а. Когда?

П е т р у с. Сейчас.

Л и д а. Нет. Мне надо...

П е т р у с. А завтра?

Л и д а (*вдруг сообразила*). Завтра и вовсе не будет...

П е т р у с. Лида! Неужели сегодня твои дела не терпят? Нельзя ли покончить с ними поскорее? Я подожду тебя... ну, хотя бы у музея, я ведь провинциал... Пойдем куда-нибудь, поужинаем или выпьем вина.

Л и д а. К чему это?

П е т р у с. У нас есть что вспомнить.

Л и д а. И о чем забыть.

П е т р у с. Годы проходят, и в памяти остается обычно самое главное. Хорошее. А хорошего было немало, вспомни!

Л и д а. Теперь это не важно.

П е т р у с. Может быть. Увидим, Лидушка. Придешь? В восемь.

Л и д а. Не знаю...

П е т р у с. Приходи...

Л и д а. Приду.

П е т р у с. Обязательно?

Л и д а. Быть может.

Пожимает ему руку и уходит. Петрус с минуту глядит ей вслед, потом уходит. Стибор выходит вперед, на их место.

С т и б о р. Этого...

Человек в мантии. Что?

С т и б о р. Этого я не знал.

Человек в мантии. Вы ее дождались?

С т и б о р. Да.

Человек в мантии. Что вы ей сказали? Понимаете, от этого зависело очень многое.

С т и б о р. Но я не предполагал...

Человек в мантии. Сколько битв проигрывают люди из-за того, что многого не предполагают!

Выходит Лида Матисова. Стибор не груб и все так же влюблен, но слишком уверен в себе и потому держится «нормально».

С т и б о р. Где ты пропадаешь? Это, по-твоему, шесть часов?

Л и д а. Не сердись...

С т и б о р (*как бы в шутку, но на самом деле всерьез*). Запиши это на пленку или попугая купи...

Л и д а. Милан!

С т и б о р. Прости, Лида. Такая уж у меня дурацкая педантичность; сама знаешь — имею дело с микрометрами, и любая неточность выводит меня из себя. У тебя есть часы.

Л и д а. Как раз сегодня я их оставила где-то.

С т и б о р. Как оставила?

Л и д а. Ну, забыла в комнате или в умывальной, но там ничего не пропадает...

Стибор. Лида, ты в своем уме?

Лида. Очевидно, раз ты хочешь на мне жениться.

Стибор (*смеясь*). Стоп. Нервы дурят. Но ты должна быть внимательней, ты и впрямь немного легкомысленна, порой совсем взбалмошна... Тебе самое время — замуж. Ну идем, развлечемся немного... Лида! Завтра!

Лида (*решаясь*). Не сердись...

Стибор. Ты опять?

Лида. Я пришла сказать тебе... сегодня вечером у нас ничего не выйдет. Я совсем не готова к завтрашнему дню, хочу выспаться...

15

Проекция гаснет. Стибор, шатаясь, выходит на авансцену.

Стибор. Выспаться! И я соглашаюсь, иду на хоккей, а она...

Человек в мантии. Обвиняемый, не устраивайте сцен! Через минуту будет перерыв, так что успокойтесь. Все это давно позади, я хотел только расширить ваш кругозор. Итак, сейчас — вечер, и вы стоите лицом к лицу с человеком, которого вы никогда в жизни не видели.

Кинопроекция: кабинет семинара. На столе телефон. Петрус и Стибор стоят друг против друга.

Петрус. Что угодно?

Стибор. Ассистент Петрус?

Петрус. Что вам угодно?

Стибор. Стибор.

Секундная пауза.

Петрус. Садитесь, прошу вас.

Оба садятся. Петрус смущенно глядит на телефонный аппарат.

Стибор. Вы, очевидно, догадываетесь, зачем я пришел.

Петрус. Представляю себе.

Стибор. Вы не угадали. Я пришел не просить, не драться... Хотя охота у меня к этому большая, будьте уверены. (*Петр, стискивая зубы, пропускает это мимо ушей*). Уезжайте!

Петрус. Я?

Стибор. Какое вы имеете право? Один раз вы с легким сердцем уже отказались от нее... Пусть не с легким сердцем, но отказались! А я, я ни с кем другим не хочу прожить жизнь! Ни с кем другим! Понятно это вам?

Петр. Я понимаю вас...

Стибор. Я вовсе не прошу, чтобы вы меня понимали!

Петр. И все же я понимаю... потому что сам люблю ее.

Стибор. Вы! Вы не любите... не можете ее так любить, как я!

Петрус. К сожалению, нет такого инструмента, которым можно измерить...

Стибор. Но я вам это говорю!

Петрус. Хорошо, думайте так, но согласитесь...

Стибор. Ну не уезжайте, только оставьте ее в покое! Она потеряла голову — потом одумается. Вы не можете на ней жениться!

Петрус. А я женюсь!

Стибор (*вставая*). Не женитесь. Я не допущу. Не стану ни просить, ни драться, но сделаю все, чтобы помешать этому.

Петр (*тоже встает*). Что же — сейчас я должен испугаться?

Стибор (*парирует иронию иронией*). Зачем? Вы ведь ничем не рискуете. Зато Лида рискует всем! О ней станут говорить — разбила семью, обманула меня, сделала несчастной вашу жену. О ней, не о вас!

Петр. Но мы живем не...

Стибор. Будто вы не знаете людей! Будто не знаете ее. Что ее ждет, как она перенесет такое, — вы знаете, конечно, лучше меня, но это вам, вероятно, вовсе неважно!

Петр. Что же мне, по-вашему, предпринять, а?

Стибор (*вдруг очень практически, деловито; видно, что он основательно все продумал*). Скажите ей, что ваша жена не соглашается на развод.

Петр. Вы рехнулись!

Стибор. Ничуть.

Петр. Моя жена...

Стибор. Не согласится на развод, за это я ручаюсь, чтобы ваша совесть была спокойна. Если у нее есть сердце — не согласится, когда все поймет. Избавьте ее от неприятностей! Избавьте от неприятностей себя, если не можете избавиться от них Лиду и свою жену! (*Добавляет*). Можете представить, как я вас ненавижу!

Стибор уходит. Петрус сидит, глядя отсутствующим взглядом на телефон. На авансцену выходит Лида в домашнем халатике, за ней Майка с записями лекций в руке. Но ей и в голову не приходит заниматься. Человек в мантии наблюдает за ними, стоя у кулис.

Майка. Господи боже мой, нельзя же терять рассудок!

Лида. Рассудок! Разве на свете существует один рассудок?

Майка. Вы встретились совершенно случайно.

Человек в мантии. Своей жизнью вы обязаны лишь случаю, который познакомил ваших родителей.

Майка (*вскипела*). Слушайте, пожилой человек, от вас можно было бы ожидать побольше ума!

Человек в мантии. Но, но!

Лида. Кто ничего не познал, не имеет права судить.

Майка. Ты так со мной разговариваешь? Познала я там или нет, а чужую семью разбивать не стану!

Лида. И я не стану! Он обещал позвонить ей. Если не согласится она — не соглашусь и я. Майка! Неужели никто меня...

Но оскорбленная Майка уже ушла.

Человек в мантии. Как вы об этом узнаете?

Лида. Он позвонит мне.

Человек в мантии. Пока не позвонил?

Лида. Нет еще.

Человек в мантии (*протягивая ей из-за кулис трубку на шну-ре*). Позвоните вы ему!

Лида с трепетом берет трубку. Петрус все еще сидит у телефона. Звонок. Он вздрагивает. Аппарат звонит раз, два, три раза, только после этого Петрус нерешительно берет трубку. И вдруг говорит глубоким басом.

Петрус. Алло!

Лида. Можно попросить ассистента Петруса?

Петрус. Кто спрашивает?

Лида. Матисова...

Петрус. Один момент... (*Кладет трубку на стол; сидит бледный, расстроенный. Потом берет трубку и говорит своим голосом*). Слушаю...

Лида. Это Лида. Ну как?

Петрус. Лида...

Лида. Ты уже говорил с ней?

Петрус. Да...

Лида. И что же?

Петрус. Мне надо сейчас же с тобой встретиться!

Лида. Скажи, по крайней мере!

Петрус. Я все тебе скажу — через полчаса я буду около вашего общежития...

Лида. Петр...

Петрус. Лечу, Лида.

Повесил трубку, сидит. Лида стоит неподвижно, потом машинально передает трубку Человеку в мантии, неожиданно всхлипывает и быстро уходит. Петрус снова берет трубку и набирает ноль. Проводит по лбу тыльной стороной руки.

Петрус. Девушка, говорит Петрус... аннулируйте мой вызов... Что? Нет, не буду...

Положил трубку. Встал. Человек в мантии говорит строго и печально.

Человек в мантии. Петр Петрус, это добром не кончится.

Гонг, Свет в зале.

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Предположим, что обстановка, описанная во вступлении к первому отделению, в основных чертах не изменилась. Предположим, что зрители уже освоились, примирились с нашим способом развития сюжета при помощи ретроспективной реконструкции. Поэтому нет причин отказываться от этого способа. Занавес остается поднятым в продолжение всего антракта, затем на сцену снова выносят ту же скамью, что и в прологе. Но на этот раз ее ставят не спинкой к залу, а вдоль боковых кулис. Со вторым звонком входят и усаживаются на скамью Стибор, Лида, Петрус и Петрусова: они сидят безмолвные и неподвижные, только Петрус не выдерживает, закуривает сигарету, но тут же гасит ее и встает вместе с остальными, когда с боем часов свет в зале гаснет и на освещенную сцену поднимается Человек в мантии со своими бумагами. По его кивку все усаживаются.

16

Человек в мантии (*окидывает скамью испытующим взглядом, затем встревоженно обращается к публике*). Грабетова Майка! Что за имя — Майка? Мария!

Майка выходит на сцену бледная, но спокойная.

Человек в мантии. Я предъявляю обвинение и вам. Вы знаете, почему?

Майка. Да.

Человек в мантии. От своей подруги вы знали, что она не собирается шагать через трупы, что для нее решающей будет точка зрения Петруса и согласие его жены. Это вы посоветовали Стибору повлиять на них с помощью давления и угроз?

Майка. Да...

Человек в мантии. Признаете вы себя виновной?

Майка. Ни в коем случае!

Человек в мантии. Ах да, вы ведь женщина! Сядьте там!

Показывает на скамью. Майка садится возле Стибора.

Человек в мантии. Продолжим.

Сцена погружается в полумрак. На авансцену выходят Лида и Петр, оба с опущенными руками и склоненными головами.

Человек в мантии. Матисова, вы оделись и пошли — куда?

Лида. Вниз. На угол возле общежития...

Человек в мантии. И вы туда пришли, Петрус?

Петр. С небольшим опозданием...

Человек в мантии. Так как шли пешком, чтобы выиграть время и еще раз все продумать.

Петр. Честное слово, я ни о чем не думал! Я был не в состоянии...

Человек в мантии. Это вы просто себе внушили, Петрус. На самом же деле именно в этот вечер и значительную часть ночи, вплоть до определенного времени, ваш мозг работал на полные обороты. Вы даже были в состоянии предвидеть, какие вопросы вам могла задать Матисова, и заранее подбирали к ним неопровержимые аргументы. Тем не менее, первый же ее вопрос совсем выбил вас из колеи, хотя он был прост, логичен и вы его ждали наверняка. Что это был за вопрос?

Лида. Ну как?

Человек в мантии. Лицом к лицу с человеком, который дважды с необычайной силой ворвался в вашу жизнь, ложь застряла у вас в горле. Вы были пристыжены и тронуты. Вы очень нежно поцеловали ее и сумели сказать только...

Петр. Пойдем куда-нибудь, где можно дышать...

Лида и Петр все еще неподвижно стоят рядом. Светлеет кинопроекция: поле за городом; издалека со станции доносятся звуки ночной жизни, порой подымается ветер, и все время где-то поблизости гудит трансформатор.

Человек в мантии. Время! Вам нужно было время и покой — только поэтому вы гнали такси до самого Садового города. У шофера были свои представления об этом, и когда вы расплачивались с ним там, где кончался город и начиналось поле, он доверительно шепнул вам: «Молодой человек, нынче уже не так тепло...» Но ночь была относительно теплой, и ночь вам помогла — сухой ветер придал ей почти весенний привкус и прогнал тоскливый аромат ноября. Эта ночь, ширь полей, мерцающие галактики далеких городских огней и ночных звезд, уютное пыхтение маневрирующих паровозов да монотонное, успокаивающее гудение трансформатора — все это вернуло вам силы и уверенность в себе. Тогда вы начали... лгать. Трезво, хотя и несколько взволнованно, вы изложили Лиде содержание разговора с вашей женой — разговора, который никогда не происходил. И нужно сказать: ваш собственный рассказ утверждал вас в убеждении, что *если бы* этот разговор состоялся, он неминуемо имел бы точно такой же смысл и последствия. Когда вы передавали Лиде последние слова вашей жены, будто она ни в коем случае не согласится на развод, вы были растроганы, удручены и искренне убеждены, что совершается несправедливость, которая сыграет в вашей жизни роль гранаты, разорвавшейся на выставке хрустала. Лида молчала, комкая платочек в руке. Она заговорила лишь тогда, когда вы начали беспокоиться.

Лида. Так она и сказала?

Петр. Что-то в этом роде...

Лида. Значит...

Петр. Значит, нам придется с этим считаться... Что будем делать, Лида?

Лида. Ничего...

Петр. Ничего... Нет, надо что-то.

Лида останавливается, обнимает его. Говорит страстно, горячо, и первые ее слова вновь поколебали его.

Лида. Петр, я очень люблю тебя... Очень! Страшно люблю! Вряд ли кого-нибудь еще я так полюблю... Но именно поэтому я не хочу, не могу хотеть, чтобы ты страдал, чтоб у тебя были неприятности, — это запачкает все. Я никогда не была бы счастлива. Петр, ты ведь сам сказал мне, что мы поженимся... (*Напряжение Петра достигает высшей точки*). Так вот — сейчас я сама возвращаю тебе слово!

Петр. Лида!

Он не справился с собой, и в этом возгласе прозвучало чувство облегчения, но она не заметила.

Л и д а. Будет тяжело... но так будет лучше. Все останется, как было... хорошее, чистое... Так будет лучше, правда... милый... молчи... Так будет... молчи!

П е т р. Лида! *(Он действительно взволнован и тронут такой любовью)*. Лида... *(Он потянулся к ее губам, и она ответила поцелуем)*.

17

Проекция гаснет. На авансцену вышла обессиленная Лида.

Человек в мантии. Лида Матисова, ваши намерения были искренни? Или это было одно из тех великодушных предложений, на которые мы отваживаемся, только если твердо знаем, что они не будут приняты?

Л и д а. Я не скажу вам точно, что я при этом думала, потому что вижу эту ночь будто сквозь матовое стекло, будто под наркозом. Нет, конечно. Я предложила это без всяких условий, без притворства, но в то же время — признаюсь — ни на секунду не переставала верить, что это только тяжкое испытание и все обойдется хорошо, счастливо... И еще меня убеждало в этом... Не смейтесь, я не суеверна, но иной раз поддаешься счастливой игре случая. Я ждала Петра у нашего общежития, ждала пятнадцать, двадцать минут и вдруг подумала: он придет, прежде чем я досчитаю до тринадцати. Когда я произнесла «двенадцать» — он появился из-за угла... Столько дней шел дождь, а как раз в эту ночь было сухо, и над полем стояла Кассиопея — Петр показал мне ее еще в Брно, при первом нашем свидании. Потом мы начали разговаривать, и было плохо, но на станции гудели маневровые паровозы, и я загадала: если прогудят только семь раз — мы поженимся. И они прогудели семь раз, не больше, не меньше, я это знаю точно, потому что напрягала слух, чтобы услышать то, чего с таким отчаянием слышать не хотела. И еще я вбила себе в голову: мы не должны разойтись, пока не начнут развозить молоко... На первый взгляд — сумасбродная мысль, но я родилась в городе, меня будили не петухи — под нашими окнами была молочная, утро начиналось звоном бидонов, и с той поры для меня развоз молока — новый день. Я хотела вступить в него вместе с Петром, а он, хотя и не подозревал об этом и был сильно утомлен, долгие часы ходил со мной по улицам, внимательный, нежный, и мы говорили, вспоминали, и молчали, и молчали — об одном и том же. Но молочные фургоны все не появлялись, а мы уже дошли до моего общежития, и ему пришлось согласиться, чтобы я его проводила. Ненавижу прощаться!.. И я ведь не хотела прощаться с ним. Опять — только ночной трамвай обогнал нас, и что еще хуже — скорая помощь, при виде ее даже в предутренний час, когда она мчится без sireны, становится страшно и мороз пробегает по коже. Но вот и его общежитие, мы дошли до угла, и он взял меня за руки. Я испугалась, сердце мне сжала тупая боль; нет ничего хуже навязчивых представлений. Еще минутку, еще минутку...

Кинопроекция: предрассветная улица, тихая, безлюдная. Лида и Петр. Лица их пепельно-серы от страдания, от усталости, от бессонной ночи, от холода. Но Лида собрала все свои силы.

Л и д а. Видишь, как славно мы прошлись...

П е т р. Да...

Л и д а. Я бы все равно не уснула... Вот когда мы расстанемся — тогда это будет так... так нормально, правда?

Петр. Лида... (*Подходит к ней, обнимает, нежно прижимает лицо к лицу.*) Лида, ты самый хороший человек...

Лида. Почему все так печально...

Петр пытается утешить ее.

Петр. Печальное сменяется прекрасным, Лида, это самый могучий закон жизни. То, что сегодня мы воспринимаем как трагедию, быть может через год... как тогда... нет... Прощай, Лида!

Пожимает ей руки и хочет быстро уйти, потому что у него уже нет сил. Но она задерживает его руки в своих.

Лида. Верни мне фотографию.

Петр. Она у меня наверху...

Лида. Я подожду...

Петр подчиняется. Он понимает ее. Уходит как раз в ту минуту, когда к ним приближается звук гремящего автомобиля. Лида блаженно закрывает глаза.

Лида. Молоко везут...

18

Проекция гаснет. На авансцену входит усталый Петр, пряча в карман ключи. Человек в мантии сидит — как и во время предыдущего монолога Лиды — в кресле у боковой кулисы, опираясь локтем о подлокотник.

Человек в мантии. Петрус, вам нехорошо?

Петр. Мне хуже, чем ужасно; кажется, с нынешнего дня я уже не то, что называют «молодой человек». Вчера, до разговора с женой...

Человек в мантии. Петрус, да вы ведь с ней не говорили.

Петр (*вытирает лоб*). Меня немного лихорадит... восемь часов хожу с Лидой, и все это время... Я не умею лгать — вот почему мне надо было поверить, *поверить*, что я говорю ей правду. Господи боже мой, да ведь я лучше всех знаю: то, что мне дала Лида, не даст уже никто на свете. Никогда, никто на свете! Ее голос, улыбка, ее объятия... теперь я спокоен, потому что усталость накрыла меня, словно стеклянным колпаком, но если я вспомню о ней завтра, через год... наверное, буду плакать или кричать во сне. Не понимаю, не понимаю, как я мог тогда согласиться на разрыв! И на этот раз я сам, добровольно, по собственному решению отказался от нее! Не знаю, что это было, — просто вдруг какое-то затмение нашло, и я сказал эту ложь... Нет, знаю: меня охватил страх. Страх! Не за себя! За нее! Даже в наше время ей пришлось бы пройти со мной крестный путь злобы и грязи. Это ужасно, но это так! Лида слишком чувствительна; боюсь, ей пришлось бы заплатить непомерно дорого. Боюсь, она никогда не избавилась бы от чувства вины; это чувство наложило бы свой отпечаток на все наши дни... и даже на наши объятия. Я боюсь этого — и не допущу. Я причиняю ей боль ради ее же счастья. Разве так поступают слабые люди? Стибор получит еще один шанс... пустой шанс, но он, по крайней мере, сам в этом убедится... Моя жена не будет унижена необходимостью отказываться в разводе... Факультет очистится от «морального разложения»... А я — я как-нибудь переживу...

Человек в мантии. Петрус... это — правда?

Петр. Вы ведь беседуете с моими мыслями!

Человек в мантии (*с грустной усмешкой*). Мы лжем самим себе больше, чем всем людям на свете, Петрус. Мы можем пережить презрение других, но презрение к самому себе убило бы нас...

Петр. Я и так считаю себя бесхарактерным человеком... Не беспокойтесь. Простите — начинается день. Я верну ей фотографию и пойду спать. Я хочу долго спать... потому что это первый день без нее...

Делает шаг на сцену и замирает в изумлении. Вспыхивает кинопроекция: знакомая комната в общежитии. На тахте сидит растерянный Вашек Краль, он надел поверх пижамы плащ. Напротив него, на стуле, тоже в плаще, сидит Лида Петrusова. Краль с облегчением поднимается.

Краль. Вот и ты...

Петр. Здравствуй, Лида...

Петrusова. Здравствуй, Петр...

Пауза.

Краль (*берет полотенце, бормочет*). Ну, я пошел купаться.

Волоча ноги, гашится по авансцене. Петрус приходит в себя.

Петр. Я не знал, что... Лида, прости, одну минутку!

Он поворачивается и у самого края авансцены догоняет Краля. Говорит ему тихо, настойчиво.

Петр. Вашек, прошу тебя, там внизу ждет Лида, не можешь ли ты...

Краль. Отвяжись ты от меня!

Дело принимает серьезный оборот, а Краль уже сыт по горло. Петр нерешительно возвращается.

Петр. Ты меня прости, но вчера вечером у нас было такое...

Петrusова. Она ждет внизу?

Петр (*испуганно*). Кто?

Петrusова подает ему фотографию, которая стояла прислоненная к приемнику. Отпираться нет смысла. Петр кивает.

Петр. Лида, я не знаю, кому понадобилось забегать вперед. Я бы сам тебе не позднее чем сегодня...

Петrusова. Не заставляй ее ждать.

Петр. Что?

Петrusова. Приведи же ее.

Петр. Что ты, нельзя — пять часов утра, и привратник... (*под ее взглядом опускает голову*). Может быть, лучше сначала нам с тобой...

Петrusова. Она имеет к этому делу такое же отношение, как ты и я.

Петр. Послушай, если бы ты приехала вчера — тогда, может быть... Но в эту минуту все уже решено. и нет ни малейшего повода к сценам.

Петrusова. Я приехала не для того, чтобы устраивать сцены.

Петр. Так позволь, по крайней мере, объяснить...

Входит Лида Матисова.

Лида. Петр! Не сердись, я вдруг испугалась, что тебе плохо...

Увидела незнакомую женщину, запнулась. Но гостя встает и самым обычным образом подает ей руку.

Петrusова. Петrusова. (*Пауза*). Садитесь. (*Смотрит на обоих*). Что вы собираетесь делать?

Лида. Мы? Но ведь это вы...

Петр (*жене*). Лида, я просил тебя...

Петrusова. Я только спрашиваю, что вы собираетесь делать. Знать это должны прежде всего вы.

Лида. Для меня решающим является ваше мнение.

Петrusова. Мое мнение? (*Снимает очки и усталым жестом протирает глаза*). Что касается меня, то я не стану вам поперек дороги... На развод я, разумеется, согласна.

Петрус смотрит на нее ошеломленно, Лида — со внезапно пробудившейся надеждой.

Проекция гаснет. Лида Петрусова выходит на авансцену, не переставая тереть глаза.

Человек в мантии. Восхищаюсь.

Петрусова. Чем?

Человек в мантии. Вашим самообладанием. Петрус назвал вашу гордость нечеловеческой, это звучит не очень-то красиво, но довольно точно.

Петрусова. Ошибаетесь. Владеть собой должен лишь тот, кто страдает, ненавидит или любит.

Человек в мантии. Это как раз ваш случай.

Петрусова (*хочет возразить, но вдруг в ней прорывается подавляемое чувство; она говорит горячо, почти со слезами; это необычайно и страшно, как извержение давно погасшего вулкана*). Да! Да! Вы правы! Ненавижу ее и люблю его! Люблю с первой минуты — и совершенно безнадежно. У меня был друг... его арестовали перед самым концом войны, а второго мая казнили. Петр был удивительно похож на него, но мне было уже... почти тридцать. Я делала все, чтобы не потерять его, чтобы — это унизительно — сравниться с той, с первой. Но и здесь была ошибка; тот, кто все время сравнивает себя с кем-то, кто в любую минуту проверяет свои чувства, — тот не может сохранить их непосредственность. Я уже не умела быть нежной, холодной или спокойной, я всегда была слишком нежной, слишком холодной, слишком спокойной или слишком раздраженной, пусть только на капельку больше, чем нужно, — но это была та самая капля, которая переполняет чашу. Конечно, я перестала быть естественной, и мое спокойствие выглядело истерическим, а моя истерия... вы ее видите! Я, которая с юных лет, даже в своем первом глубоком, безоглядном чувстве проповедовала полную свободу и взаимное доверие, — я теряла голову и дулась, как школьница, если Петр возвращался на несколько минут позже условленного времени. К счастью, я многое умела перебороть в себе, но ведь и невысказанные фразы остаются в мозгу, подобно заразным микроорганизмам, и плодят следующие... Потом Петр сказал о поездке в Китай. Предложил мне ехать с ним; а я вообразила, будто он хочет уехать один, хочет уйти от меня хоть так, если не может иначе... И я пошла работать в район... Нет! Если раньше я все отрицала, чтобы оправдать... то теперь сознаюсь: я виновата, виновата, я неправа и, следовательно, не имею права... Я не боюсь наказания, потому что самое тяжкое я сама наложила на себя. Отступаюсь. Ухожу с их дороги. Дальше они пойдут без помех, поскольку это зависит от меня.

Человек в мантии (*с уважением, но скептически*). Поскольку это зависит от вас...

Вспыхивает кинопроекция: маленькое кафе с надписью на окне, снаружи и внутри. Утренняя суета; из репродуктора льется веселая музыка. Лида и Петр сели за столик, напряженные, молчаливые. Подбежал с прибаутками официант.

Официант. Доброе утречко даме и пану, не угодно ли кофе? Сейчас достану! Масло и булочки перед прогулочкой, не так ли?

Петр не двигается, Лида слегка кивнула. Официант убежал. Взгляды Лиды и Петра скрестились, но он отвел глаза. Опять появился официант, расставляет посуду и болтает.

Официант. Прогноз погоды обещает похолодание, слышали? Так что теперь нам только и остается, что греться кофейком да любовью, не так ли? (*Тут только он как следует разглядел выражение лица Лиды и улывил настроение*). Пardon...

Деликатно удаляется, смахивая салфеткой с соседних столов. Петр помешал кофе.

На этот раз Лида берет его за руку.

Лида. Петр, что с тобой?

Петр. Ты еще спрашиваешь...

Лида. Я знаю... Тебе больнее... но, Петр, она безусловно честная... и умная; если она изменила свое решение, то знает почему! И это решение — в нашу пользу.

Петр (*уныло*). Это ты так думаешь.

Лида. А что?

Петр. Теперь еще хуже. Она великодушна, она уступает — это звучит. Это великолепно, понимаешь, а тебя затравят из симпатии к ней.

Лида. Кто?

Петр. Люди.

Лида. Что мне за дело до людей?

Петр. Они затравят нас обоих.

Лида. Любой, если только у него нет злого умысла, обязательно признает, что в этом случае мы имеем право. Имеем право! Где же тогда твоё возмущение условностями? (*Петр горько усмехается. Лида обиженно*). Ты об этом лекции читаешь.

Петр. К сожалению! (*При этих словах взглянул на часы, испугался*). Мне пора на семинар! (*Одним глотком выпивает кофе. Потом, застегивая плащ, наклоняется над столом и говорит так горячо и убедительно, как только умеет*). Лида, вчера я получил тяжкий удар — я понял, что не могу на тебе жениться. Остались две возможности: сойти с ума от боли или сломить ее в себе. Ночью мы кое-как справились с этим; прошу теперь тебя, пойми, не могу я так сразу снова переключаться. Нам обоим нужен покой, нам нужно выспаться и все снова продумать. Прошу тебя об этом! Встретимся завтра вечером, ладно?

Уже стоя, пожал ей руку. Она не отвечает, только смотрит на него. Петр опустил глаза, он не хочет встречаться с ее взглядом, чтобы его решение не поколебалось.

Петр. Лидочка, это проверка... Будем сильными, как ночью, — что бы там ни было! (*Еще раз пожимает ей руку, гладит по голове*). До свидания, Лида!

Уходит, словно извиняясь. Веселая музыка все еще звучит. Лида сидит неподвижно. Потом опомнилась, поняла. Все, чему она не решалась верить, теперь заполняет ее мозг. На глаза снова навертываются слезы, на этот раз — иные. Она вскакивает и убегает. Человек в мантии поспешно направляется за ней, а когда ему не удается догнать ее, бросается разыскивать официанта.

Человек в мантии. Официант! Официант! (*Вдруг с удивлением обнаруживает, что тот молча стоит рядом с ним*).

Официант. Оставьте их...

Человек в мантии. Они не заплатили...

Официант (*платит за них, переложив деньги из собственного кармана в кожаную сумку*). Заплатят в другом месте... и, я бы сказал, им это дороже обойдется... (*Убирая со стола, запиная эти слова кофе, до которого Лида так и не дотронулась*).

20

Проекция гаснет.

Человек в мантии. Стибор Милан! (*Стибор выходит на авансцену*). Обвиняемый, реконструкция событий почти во всех пунктах подтверждает вашу вину.

Стибор. Мою? Мою? Не Петруса?

Человек в мантии. Оставьте Петруса в покое, мы сейчас говорим о вас. Тот факт, что вы его запугали...

Стибор. А разве не знаменательно, что он дал себя запугать?

Человек в мантии. Стибор, согласитесь, вы здесь вовсе не для того, чтобы задавать вопросы. Меня интересуют побуждения. Это было совершенно из мести? Вы хотели отомстить Матисовой?

Стибор. Лиде? Господи, при чем тут Лида?

Входит Мать.

Мать. Он спрашивает, при чем она? Он еще спрашивает! Мало она ему горя причинила! Дети, неужели вам мало одного удара, зачем вы на глазах своих матерей напрашиваетесь на новые? Он любил ее больше, чем меня, мы приняли ее в семью, как родную...

Стибор. Это неправда!

Мать. У нее не было ни малейшего повода жаловаться, перед свадьбой я ее даже сама пригласила на чай и поговорила с ней, как с дочерью.

Стибор. Ложь!

Мать. Милан!

Стибор. Ложь! Мама, ты... лжешь!

Мать (*кричит*). Как ты со мной разговариваешь!

Дает ему пощечину, но тут же останавливается, смутившись.

Стибор. Мама... Ты не должна была этого...

Человек в мантии. Говорите, Стибор!

Стибор (*тихо*). В тот день я неожиданно пришел домой и увидел пальто Лиды. Мне пришло в голову... Я хотел... На цыпочках я подошел к двери и услышал их...

Мать. Клянусь, клянусь всем, что мне дорого, я точно передала каждое слово...

Стибор. Каждое слово! Но тон! Слова могут быть самыми лучшими, но если им придать другой тон... понимаете? Ведь большая разница, если я скажу (*точно подражает приветливой интонации своей матери из третьей картины*): «Надеюсь, вы чувствуете себя как дома» или если сказать...

Кинопроекция: комната Стиборов, занавеска, картина на стене. Лида сидит у столика, Стиборова садится напротив: они повторяют те же жесты и говорят то же самое, что и в третьей картине, но Стиборова не в силах преодолеть себя и придает каждому слову язвительный, открыто враждебный смысл; Лида, естественно, ошетинилась и отвечает в том же тоне. Это отвратительный разговор, он тем хуже, что ведется гладкими светскими фразами.

Мать. Надеюсь, вы чувствуете себя как дома...

Лида. Да!

Мать. Я говорила Милану — если он захочет, я могу со временем переехать от вас.

Лида. Он ни за что не согласится...

Мать. Согласится. Две женщины под одной крышей — это никогда не приводило к добру. Теперь вы для него важнее...

Лида. Ну, не говорите!

Мать. Так лучше, Лидушка. Я вечно баловала его, так что пора вам сменить меня. Ведь вы его любите так же сильно, как и я, не правда ли?

Лида. Можете не беспокоиться! (*Роняет блюдо. Стиборова, многозначительно покачав головой, принялась подбирать осколки. Это оскорбляет Лиду; она помогает ей*). Не сердитесь.

Мать (*с каменным лицом*). За что? Все это уже ваше. Посуда бьется, девочка, к счастью, а я вам желаю много счастья!

Лида (*давая понять, как мало она этому верит*). Спасибо.

Проекция гаснет. Мать медленно приближается к Милану, в глазах ее сознание вины, страх и обида.

Мать. Милан...

Человек в мантии. Ярослав Стиборова, год рождения 1908, вдова учителя, я предъявляю обвинение и вам. За лжесвидетельство и соучастие...

Мать. Милан...

Человек в мантии. Пойдите съядьте!

Она уходит, поддавшись внезапному приступу рыданий, подавленная тем, что сын даже не взглянул на нее.

Человек в мантии. Но этим свидетельским показанием вы, конечно, ухудшили и свое положение.

Стибор. Я знаю...

Человек в мантии. Мне всегда казалось, что вы принимали к сведению чувства Лиды Матисовой лишь в той мере, в какой они соответствовали вашим. Если ее радость не исходила из *вашей* радости, а ее опасения не были *вашими* опасениями, вы считали их более или менее абсурдными.

Стибор. Но ведь она собиралась выйти замуж не за мою мать, а за меня!

Человек в мантии. И в этом вы были так твердо убеждены, что *ее* мнение было для вас всего лишь... забавным. Вы, например, никогда не спрашивали: «Пойдешь ли ты за меня?» Вы всегда говорили: «Иди за меня!»

Стибор. Я верил, что она меня любит!

Человек в мантии. А она и любила вас, наверное... конечно, любила. Только любить — это, уважаемые, всего лишь основной факт. Зерно. Идея. Что из нее взойдет, что родится — это вопрос сложного процесса, который требует мягкости... и силы...

Стибор. Была такая сила! *Моя* любовь!

Человек в мантии. Но я спрашиваю — не может ли такая любовь, несколько обуженная, перестать *быть* любовью?

Стибор. Как вы смеете... сомневайтесь в моем мужестве, в таланте... но в этом! Я докажу вам! Легко докажу! Не только тогда, когда это случилось — тогда я ничего не понимал, ничего не соображал,—но и теперь, после всего... Я знал, что приехала Петрусова, и предчувствовал, что будет. С утра я ждал Лиду у ее общежития...

Человек в мантии. Шел дождь?

Стибор. Шел...

Человек в мантии протягивает руку за кулисы и подает Стибору его плащ и шляпу. Стибор надевает плащ и продолжает, держа шляпу в руке.

Стибор. Лида вернулась домой под вечер, очень взволнованная, потому что, кроме всего прочего, на факультете ее встретили ледяным холодом; стараниями Майки и Тошеца все стали там на сторону Петрусова. Услышав намеки на это даже в столовой, Лида бросила вилку и убежала. А я там стоял... единственный человек, подавший ей руку. Лида...

Кинопроекция: предвечерняя шумная улица. Лида, ошеломленная и словно парализованная, двигается машинально. Глаза ее покраснели от бессонной ночи и блестят. Механически подняла руку, не взглянув на часы. Вдруг перед ней оказался Стибор. Тихо поздоровалась.

Лида. Здравствуй...

Стибор. Я жду здесь с самого утра...

Лида. Зачем?

Стибор. Спросить... я теперь хочу тебя спросить, что ты решила.

Лида. Что я должна была решать?

Стибор. Лида... в третий раз предлагаю тебе: выходи за меня замуж! (Словно боясь получить ответ, продолжает поспешно, настойчиво). Лида, вчера мне сказал главный инженер, что они запатентуют тот аппарат... тот, который я портил, пока ухаживал за тобой, и который доделал, когда ты мне обещала... Лида, если б ты была со мной... если ты будешь со мной, я столько смогу... мы оба столько сможем...

Лида (мягко, словно извиняясь). Но ты ведь знаешь, я люблю его...

Стибор. Он все равно на тебе не женится!

Это задело ее: она хотела усмехнуться, но не смогла.

Лида. Уж ты знаешь...

Стибор. Знаю, как и ты. Он не впервые отказывается от тебя.

Лида. Нет, тогда это было...

Стибор. То же самое! Ты доставила бы ему величайшую радость, если бы уехала и теперь!

Лида. Неправда!

Стибор. Правда. Не строй иллюзий.

Лида. Это не может быть правдой...

Ее охватил страх, и в эту минуту созрело внезапное решение. Стибор этого не замечает, говорит со скорбным упорством.

Стибор. Лида! Никто не будет любить тебя так, как я. Почему ты этого не можешь понять? Я сделаю для тебя все, все!

А Лида уже далеко — неважно, что она все еще стоит на месте. Как во сне подняла руку, словно хотела его погладить — за любовь и за боль, которую она не в силах утишить. Но не решилась коснуться его. Только сказала.

Лида. Ты хороший...

И ушла.

22

Проекция гаснет. Милан Стибор выходит на авансцену, шляпа выпала у него из рук. Он наклонился, нащупывает ее, как слепой.

Человек в мантии. Нервы!

Стибор. Хороший... Это, кажется, нечто вроде «глупый». Хороший — это синоним идиота. Я хороший, но любит она Петруса. Логика! Логика!

Человек в мантии. Нервы!

Стибор. А то, что я ее люблю...

Человек в мантии. «Я». «Я».

Стибор. Что я готов все забыть, что я от нее не отвернулся...

Человек в мантии. Вы никогда не забываете подчеркнуть это.

Стибор. Что я из-за нее не работаю, не ем, не сплю...

Человек в мантии. А вам Лида нужна, как средство от бессонницы?

Стибор. Быть может, я... эгоист и бесхарактерный человек, но я не был и не буду карьеристом!

Человек в мантии. Как кто?

Стибор. Как Петрус!

Человек в мантии. Доказательства?

Стибор. Почему он с ней тогда разошелся?

Человек в мантии. Петрус, почему вы с ней тогда разошлись?

Петр выходит вперед.

Петр. Я уже говорил вам — она уехала...

Человек в мантии. Так ведь не на Камчатку. Всего лишь в Прагу!

Стибор. Люди живут и дальше друг от друга!

Петр. Да, но супруги; а просто знакомые... четыре года!
 Человек в мантии. Вы могли бы жениться! Вас, конечно, певичели бы.

Стибор. Не могли! Он не мог!

Человек в мантии. Почему?

Петр. Я жил на стипендию... писал дипломную работу...

Стибор. Ему нужны были деньги. Квартира была нужна.

Петр. Неправда!

Стибор. Правда!

Человек в мантии. Так как же — правда или нет?

Петр (*по примеру Стибора начинает повышать голос*). Нет! Просто я тогда не знал... не знал тогда, насколько это чувство велико и сильно! Всегда узнаешь истинную цену вещам, только когда теряешь их!

Человек в мантии. Вы предпочитаете узнавать цену вещам именно таким способом?

Петр. Что вы имеете в виду?

Человек в мантии. То, что я сказал...

Стибор. Он слишком любит удобства!

Петр. Я полгода добровольно работал на стройке! Через день собрания, сколько раз приходилось не спать ночью...

Стибор. Он всегда умел рассчитать, что ему выгодно. И в этих расчетах Лида была пассивом!

Петр. Пусть он не говорит о Лиде! Пусть он не говорит о Лиде! Он, который приложил все усилия к тому, что теперь ее вместе со мной топчут в грязь...

Стибор. Я?! Я, единственный, кто не отступил от нее?!

Петр. А как это называется — бросить человека в воду, чтобы показывать на нем свое искусство первой помощи?!

Они готовы броситься друг на друга. Человек в мантии становится между ними.

Человек в мантии. Довольно! Обвиняемые, не устраивайте сцен — вы не в театре! Стибор, сядьте! У вас достаточно поводов серьезно задуматься над вашим собственным характером! (*Стибор отходит*). А вы не волнуйтесь. У вас есть еще возможность защитить себя делом.

Петр. И я это сделаю! Только посоветуйте мне — как...

Человек в мантии. Чтобы я вам советовал?

Петр. Войдите в мое положение... Такого и дикий зверь не выдержит! Заколдованный круг! Как выйти из него, чтобы никого не обидеть? Тошек был прав — теперь, когда я увидел и услышал свою жену... Но Лида... А я еще — специалист по семейному праву! Тут волком взвоешь! Я борюсь за новую мораль, помогаю людям жить... а кто поможет мне?

Человек в мантии. Мне кажется, вас ждет товарищ Тошек.

Кинопроекция: кабинет Тошека. Тошек, как всегда, чертит на газете какие-то фантастические закорючки, в которых даже самая буйная фантазия не найдет связи с происходящим разговором. Ему сейчас тоже тяжело.

Петр. Вы хотели со мной поговорить?

Тошек (*пытается шутить*). Прошу тебя, Петрус, говори мне «ты», или я стану говорить тебе «вы», а то давай и вовсе обращаться друг к другу в третьем лице; только уж давай одинаково, как и положено товарищам.

Петр. Когда-то я всем говорил «ты», но некоторых это задевало...

Тошек. Только не меня, уверяю тебя. Хотя бы потому, что мне очень хочется, чтобы ты чувствовал во мне товарища, — если вообще работник отдела кадров может быть товарищем.

Петр. Послушай, товарищ...

Тошек. Ладно, условились. Декан с тобой уже говорил?

Петр. Нет.

Тошек. У вас заболел доцент Бечварж. Надолго — желтуха. Декан хотел попросить тебя с завтрашнего дня читать семейное право — за Бечваржа.

Петр. Меня?

Тошек. У тебя ведь отличная дипломная работа на эту тему.

Петр. В большой аудитории?

Тошек. Да. Зайди к нему и не отказывайся, если можешь — выручи его. Да не бойся, это только на один семестр. Китай от тебя не убежит. Между прочим, я слышал, что в министерстве насчет твоей поездки решено. Еще с лета.

Он встал. Поднялся и Петрус, который все еще никак не может опомниться. Тошек протягивает ему руку и говорит с внезапной настойчивостью.

Тошек. Да, а что нового в твоём деле?

Человек в мантии (*с авансцены*). У вас что-то вертится на языке, Петрус!

Петр. Нет...

Человек в мантии. И все-таки. Один вопрос.

Петр. Да...

Человек в мантии. Смею спросить — какой?

Петр. То, что мне... предложили сейчас, все это — *для этого?*

Человек в мантии. Ну, спросите!

Петр. Нет... конечно... конечно, тут нет никакой связи! А если бы и была — не могут же они ожидать, что я... (*умолкает*).

Человек в мантии. Так-с... Ну, продолжайте, прошу вас.

Тошек. Да, что новенького в твоём деле?

Петр (*стоит секунду безмолвно, потом выдавливая из себя*). Я скажу вам завтра в полдень.

Тошек (*еще раз горячо жмет ему руку*). И думай. Думай о себе!

23

Проекция гаснет.

Человек в мантии. Тошек, подойдите сюда!

Тошек (*выходит на авансцену*). Я уже дал свидетельские показания...

Человек в мантии. Я вовсе не жажду от вас свидетельских показаний. Я обвиняю вас, ибо вы, пользуясь служебным положением, оказали недопустимый нажим на ассистента Петруса и тем самым явились соучастником наказуемых деяний, перечисленных в прологе.

Тошек. Товарищ...

Человек в мантии. Я вам не товарищ.

Тошек. Послушайте, что это еще за комедия...

Человек в мантии. Это — трагедия, гражданин!

Тошек. Хорошо, но не говорите бессмыслицы! Я работник отдела кадров — между прочим, пойдите попробуйте там поработать за полторы тысячи в месяц, деритесь за людей да еще потерпите всякие поншшения на эстрадах от разных бездельников, которые дерут по пять сотен за вечер! Знаю, всякие есть кадровики, некоторые смотрят на эту работу только как на заработок, но у меня старомодные взгляды, я прежде всего коммунист. В чем вы меня упрекаете? В том, что я не стал ждать, чем все это кончится, и не поставил потом своей печати? Ты — вон из партии, ты — из института? В том, что я хотел, чтобы они поняли свои обязанности по отношению к государству, к семье и к самим себе? Ведь речь идет о честных и ценных для нас людях. Двадцатитрехлетняя студентка с большой эрудицией, у которой вся жизнь впереди и достаточно силы воли, чтобы

справиться с этим разочарованием. Будущий ученый, который обязан настолько сознавать свою ответственность, чтобы не загубить сгоряча то, чего ждет от него все наше общество. Что же, я должен был предоставить их самим себе?

Человек в мантии. Обвиняемый, большинство ваших соображений не вызывает сомнений или дискуссий. Но именно в вашей деятельности самые лучшие намерения могут иметь сквернейшие последствия, если вы будете втискивать живых людей в ваши уравнения. Работник отдела кадров может быть грубым или ходить на голове — не это определяет его квалификацию. Но он не имеет права делать поверхностных анализов, не имеет права допускать принципиальных ошибок. А вы их допустили.

Тошек. Какие ошибки?

Человек в мантии. У вас будет печальная возможность увидеть их собственными глазами. Сядьте.

Тошек отходит.

Кинопроекция: комната в общежитии, смеркается. На тахте полулежит Вашек Краль. У него на коленях тетрадь с лекциями, в руке конверт с письмом. Он нерешительно смотрит сквозь очки на Человека в мантии.

Человек в мантии. Продолжайте! Сейчас войдет Петрус!

Петрус входит, но не снимает плаща. Краль моментально прячет конверт в тетрадь.

Петр. Где Лида?

Краль. Которая?

Петр. Моя Лида... Жена!

Краль. Откуда мне знать?

Петр. Ее вещи здесь? Нет, забрала. Который час?

Краль. Половина шестого... куда ты?

Петр. На вокзал.

Краль. Когда у нее отходит поезд?

Петр. В семь пять. *(Не снимая плаща, пытается завязать галстук, ругается про себя; потом выбегает, продолжая завязывать галстук по дороге).* Пока!

Краль *(который все время взглядывал то на него, то на тетрадь)*. Будь здоров.

Человек в мантии. Краль, вы ничего не забыли?

24

Проекция темнеет. Краль нерешительно выходит на авансцену со своей тетрадью. Он не говорит, бормочет.

Краль. Не знаю...

Человек в мантии. Разве вы не должны были сказать ему кое-что? По поручению Матисовой?

Краль. Сказать — нет...

Человек в мантии. Или передать?

Краль. Передать — это да...

Человек в мантии. Конверт? *(Краль без звука вытаскивает его из тетради)*. Вы знаете, что в нем?

Краль. Нет, не знаю.

Человек в мантии. А догадываетесь?

Краль. Думаю, что да.

Человек в мантии. Что же именно?

Краль. Она проговорилась, что уезжает. Верно, пишет ему об этом. И еще о другом, о том, что...

Человек в мантии *(возмущен)*. Вацлав Краль! Вы, у которого не нашлось достаточно смелости, чтобы высказать свое мнение другу, хо-

тя вы все знали и предчувствовали, вы, который из трусости даже помогали ему, — откуда у вас эта дерзость не выполнить настоящей просьбы Лиды Матисовой? Обвиняемый — да, обвиняемый! — если у вас нет характера, вы должны, по крайней мере, обладать хоть крупницей разума! Садитесь и любуйтесь делом ваших рук до конца!

Кр а л ь. Но я ведь потом переехал...

Человек в мантии. Садитесь!

Проекция: комната в общежитии Лиды Матисовой. Лида, уже одетая, с трудом забирает чемодан; входит Майка, она, видимо, возвращается с лекции. Остолбенела.

М а й к а. Что ты делаешь? Куда едешь?

Л и д а. Домой.

М а й к а. Ты с ума сошла?

Л и д а. Нет.

Она совершенно спокойна — спокойна, как вулкан перед извержением, kloкочущий незримым внутренним огнем.

М а й к а. Постой, объясни хоть...

Л и д а (*с оттенком горькой иронии*). Я не хочу портить репутацию факультета. Не буду мозолить вам глаза... и не стану усложнять ему положение...

М а й к а. Лида, прошу тебя, не сходи с ума! Ты еще больше все запутаешь. Кто тебя сглазил? Ты ведь должна была считаться с тем, что мы тебе аплодировать не станем, — но это? Разве это решение вопроса — наделать шуму и сбежать?

Л и д а. Я не бегу. Хочу отдохнуть, обдумать.

М а й к а. А он?

Л и д а. Он тоже успокоится, приведет в порядок свои дела, а потом...

М а й к а. Потом что?

Л и д а. Мы договоримся на вокзале. (*Берет чемодан*).

М а й к а. Лида, это безумие. Если б я могла тебе чем-нибудь... Но верь, по крайней мере...

Л и д а. Верю, Майка.

Целует ее. Майка делает еще попытку.

М а й к а. А институт... зачеты...

Лида только грустно пожимает плечами и медленно направляется к авансцене. Майка замечает испытующий взгляд Человека в мантии. Говорит удрученно.

М а й к а. А я думала, это только такая любовь... только такая...

Человек в мантии (*насмешливо*). Вы — женщина!

Идет навстречу Лиде, берет у нее чемодан и даже утешающим жестом кладет ей руку на плечо, совершенно забывая в этот момент о своей миссии.

Проекция гаснет. Где-то вдали часы гулко отбивают четверти и полчаса. Человек в мантии опомнился, откашлялся, и от его участливой приветливости не осталось и следа.

Человек в мантии. Матисова, не растравляйте себя! Вам тяжело духовно и физически — понимаю, это вчерашняя ночь и нынешний день; но в конце концов вы — не соблазненная жертва, а полноправная гражданка и действительно стоите только на пороге жизни. Если вам хуже, чем вы можете вынести — а это вы сами должны почувствовать, — пойдите к кому-нибудь, дышите глубже, посчитайте до тысячи или еще что-нибудь такое... Только — самым решительным образом мобилизуйте все свои силы для защиты от самой себя! Секунды безнадежности, Матисова, в тысячу раз хуже, чем яростный гнев или бездонное горе, потому что они наносят удар предательски, дробят в куски защитный панцирь

естественных преград и отдают человека на милость и немилость первой же мысли — доброй или злой! Берегитесь этого, Матисова!

Лид а. Вы за меня боитесь? Есть человек, который боится за меня! Вы боитесь за меня или боитесь неприятностей? Нет, я вас понимаю... но бояться нечего! Нечего бояться! Я это говорю себе с утра. Разве я никогда в жизни не переживала тяжких минут? У меня умерла мать, ушел Петр... Мне, как и всякому, знакомы такие утра, когда человек просыпается, одурманенный сном, блаженно открывает глаза и видит солнце и синее небо, а в следующую же секунду, когда сон улечитится, осознает свою болезнь, страдание, отчаяние — и тогда вдруг за окном уже не солнце, а грозный, раскаленный черный шар в лохмотьях туч. Такое страшное пробуждение повторяется десять, сто раз подряд, но в один прекрасный день синее небо остается синим, и солнце катится по нему, как веселый детский мяч, до самого вечера, и на другой день — снова и снова... Я верю! Верю, что так будет завтра, а не завтра — так через неделю. Она его не любит. Я — да. Он любит меня. Он говорит об этом не так часто, как раньше, но теперь я ему верю. Что же тут сложного, что может внушить ужас? Все в порядке! *(Улыбается при воспоминании)*. В наилучшем порядке...

Человек в мантии. Надеюсь, вы правы, но ни в коем случае не надо недооценивать...

Лид а. Петр обязательно придет к поезду. Быть может, он уже ищет меня... *(Берет чемодан и уходит)*.

В глубине сцены вокзал. Вечер. Голоса, стук по колесам, шипение пара, где-то недалеко проехал паровоз. На переднем плане площадка последнего вагона длинного состава, начала которого не видно на сцене. Гулко разносится голос из репродуктора: «Пардубице, Ходень, Ческа Тшебова, Свитави, Брно, Братислава, Нове Замки, отправление по расписанию в девятнадцать пять, поезд стоит у третьей платформы, двенадцатый путь».

Лида выходит из вагона на площадку, потом спускается на ступеньки.

Человек в мантии. Нет?

Лид а. Остается еще тринадцать минут, он обязательно придет.

Человек в мантии. А если он не получил письма?

Лид а. Этого не может быть. Его друг дал мне слово.

Над ее головой замигала и погасла лампочка.

Человек в мантии. Что-то в вашем вагоне лампочки шалят... *(Лида всматривается в перрон)*. Верно, контакты... Надо бы, чтоб исправили...

Где-то прогудел маневровый паровоз.

Лид а. Прежде чем прогудят семь раз — он придет. Вот увидите! Еще шесть раз прогудят, и он будет тут!

Человек в мантии. Ехать ночью в темноте... *(запнулся)*. Ужасно, какие глупости болтают люди, прощаясь! Теперь я понимаю, почему вы тогда...

Лид а. Фотографию он мне не вернул!

Человек в мантии. Что?

Лид а. Фотографию он мне не вернул!

Человек в мантии. Быть может, принесет сюда...

Лид а. Зачем? Он оставил ее себе! И это хорошо, что оставил, не понимаете? *(Гудки)*. Второй, третий. Еще четыре. Как странно... четыре года тому назад, в Брно, я вот так же стояла — в последнем вагоне. Он пришел к самому отходу поезда, как мы условились. Я смеялась, шутила. Он сказал только «Лида»... И потом — «Прощай»... Я подозревала, что он плачет, но он только теперь признался мне, что шел тогда еще целый километр за поездом и лег на шпалы и целовал рельсы... *(Гудок)*. Четвертый!

Человек в мантии. Слушайте, Матисова, а если он не придет...
Лида. Придет!

Человек в мантии. Или если придет, но все же... все получится не совсем так... или вообще...

Лида (*не обращая на него внимания, вслушивается и всматривается в публику на перроне. Новый гудок*). Пять... лет прошло с того вечера в Бескидах. Печка, снег за окном, в тот день мне исполнилось восемнадцать. Тот день, девятнадцатого февраля... вы понимаете, о каком дне я говорю... и я не плакала, нет — только считала звезды, романтическая дурочка!

Человек в мантии. Именно потому, что вы так болезненно чувствительны, вы должны понять...

Лида. Вы должны понять... (*Гудок. Лида говорит теперь быстро, чтобы успеть ответить, пока не пришел Петр*) ...шесть. Должны понять, что нас уже связывают тысячи вещей, мыслей и пережитых вместе чувств, в которых мы находили друг друга, даже несмотря на эти четыре года разлуки, как... как корни деревьев, разделенных дорогой. Ведь мы знаем друг друга семь лет, семь лет — это треть жизни, каждый третий день от рождения и до сегодняшнего дня я провела с ним, а это немало, правда? Семь лет... семь...

Гудок. Лида сбегает со ступенек. Стоит.

Голос из репродуктора: «Экспресс Прага, Колин, Пардубице, Хоцьонь, Ческа Тшебова, Свитави, Брно, Братислава, Нове Замки, отправление по расписанию девятнадцать пять, отходит с двенадцатого пути».

Тут Лида падает духом и медленно поднимается на площадку.

Человек в мантии. Лида. Я говорю серьезно. Суеверие есть суеверие. Жизнь...

В эту минуту раздается голос Петра.

Петр. Лида...

Лида поднимает голову, счастливая, торжествующая.

Лида. Пришел!

Но тут же без сил прислоняется к стене, потому что в конце перрона появляется взволнованный Петр с Лидой Петрусовой.

Петр. Лида, я говорю серьезно! Жизнь ведь не так проста. Помоги же мне разобраться во всем; что бы там ни было, мы не имеем права сделать ошибку, это будет ужасно!

Петрусова (*внезапно останавливается и быстро вынимает из сумочки бумаги; она страдает, но уже вполне владеет собой*). Чуть не забыла, я ведь привезла документы, они тебе понадобятся.

Петр (*прибегает к последнему аргументу*). Но в этом и твоя вина!

Петрусова (*снимает очки, протирает глаза*). Несомненно.

Петр. Лидушка...

Петрусова. Не называй меня так.

Петр. Прости... Ты понимаешь людей, пойми же и меня! Не делай поспешных заключений, все можно решить иначе... Я поеду с тобой. Поговорим!

Петрусова. В этом нет смысла, Петр. У тебя есть обязательства.

Хлопанье дверей, голос диктора.

Диктор. Занимайте места в вагонах!

Петр (*порывисто засовывает документы обратно в сумочку Петрусовой*). Лида! Будь разумна, очень тебя прошу! Мы ведь живем не в средневековье! Кстати, мои обязательства — в первую очередь по отношению к тебе! Не устраивай истории из-за единственной ошибки! Ты мне

самый близкий человек! Теперь я понял, кто ты для меня! Прости меня...
Давай начнем новую жизнь! Ведь ты меня еще немножко...

Секундная пауза. Потом Петrusова возвращает ему бумаги.

Петrusова. Прощай, Петр.

Уходит. Хлопанье дверьми, гудок.

Петр. Лида! Лида...

Бежит за ней, в ту же минуту звякнули буфера. Свет постепенно гаснет, поезд тронулся. Все ускоряется стук колос. От толчков на секунду загорелась лампочка на площадке. Бледная Лида Матисова без сил опирается о дверь; наверное, где-то открыто окно — ветер развеивает ее волосы; она только в распахнутом жакете, легкая косынка трепещет на шее.

Человек в мантии (*тревожно*). Матисова... не простудитесь!
О чем вы думаете, Матисова?

Лампочка гаснет, в грохот колес влетают знакомые голоса:

Петра. Приходи, у нас ведь есть что вспомнить!

Стибора. Ты сказала, что любишь меня...

Петра. Жалеешь?

Стибора. Еще раз повторяю... я ни о чем не буду спрашивать!

Тошека. Понимаете ли вы, насколько вы усложняете его жизнь?

Матери Стибора. Посуду бьют к счастью, девочка!

Петра. Я женюсь на тебе... ты ведь этого хочешь, правда?

Майки. Чужую семью я разбивать не стану!

Петра. Что будем делать, Лида?

Петрусовой. Что касается меня, то я не стану вам поперек дороги.

Снова вспыхнула лампочка. Лида прильнула к двери, прижала пылающий лоб к холодному стеклу.

Человек в мантии. Матисова...

Лида бессознательно сняла косынку, судорожно сжала в руке. И снова — тьма, грохочут колеса и снова звучат голоса:

Петра. Нам нужно выпасться и снова все обдумать...

Стибора. Все равно он на тебе не женится!

Лида (*вскрикивает*). Это неправда!

Но тут голос Петра повторяет ужасные слова.

Голос Петра. Мы ведь живем не в средневековье! Не устраивай истории из-за единственной ошибки!

Вспыхивает свет. Лида широко раскрытыми глазами уставилась в тьму за окном.

Ей вдруг стало плохо, она ищет ручку двери, ей надо за что-то держаться.

Человек в мантии (*предостерегающе*). Лида!

Свет гаснет.

Лида. Петр!

Рыдание. Ветер. Вспыхивает свет. Скрипнула дверь, распахнутая ветром. За железный поручень зацепилась и развеивается косынка. Площадка вагона пуста. Невыносимо грохочет поезд.

26

Кинопроекция моментально сменяется. Часть большого и высокого помещения, кафедра; затихающий, удаляющийся шум поезда переходит в неопределенный гул, источник которого прямо в зале, за спиной у зрителей. Это — большая аудитория университета. Входит осунувшийся Петрус, кладет на кафедру папку с лекцией, потом отходит в сторону выкурить сигарету. Тут он замечает Человека в мантии, который до сих пор стоит, в изнеможении прислонившись к боковой кулисе.

Петр (*тихо*). С добрым утром...

Человек в мантии кивает, он все еще не в состоянии вымолвить ни слова.

Петр (*невольно горько усмеивается*). Доброе утро... Как люди привыкли к условностям... Самое страшное утро после самой страшной ночи, какую я когда-либо переживал. Вы уже знаете? Лида уехала.

Человек в мантии (*удивленно*). Уехала?

Петр. Этот болван Краль отдал мне ее письмо только вечером! Она уехала тем же поездом, что и Лида... моя жена. Если б это не было смешно, я сказал бы, что кажусь себе Анной Карениной.

Человек в мантии. Анна Каренина...

Петр. Если бы я знал, что она едет тем же поездом...

Человек в мантии (*печально*). То вы поцеловали бы рельсы?

Петр. Простите, что вы?

Человек в мантии. Нет, ничего...

Петр. А мне теперь лекцию читать.

Человек в мантии. Ну, вы выдержите и это...

Петр. Да, жизнь, к сожалению, натренировала меня. Я не имею права обмануть их...

Человек в мантии. Так, так...

Из зала доносятся редкие аплодисменты.

Петр. Пора... Сегодня никто мне не скажет «ни пуха ни пера!»

Человек в мантии. Да, теперь никто...

Петр (*гасит сигарету*). Неважно, я пробьюсь! А не то я бы сам себе плюнул в лицо.

Ему удается твердо, уверенно подойти к кафедре; он слегка кланяется. Его встречают скупые, редкие аплодисменты: это его несколько удивило, он окидывает зал испытующим взглядом.

Человек в мантии. Вы ожидали более горячей встречи?

Петр. Меня еще мало знают.

Он уже снова спокоен, сосредоточен, уравновешен, машинально поправляет галстук. На мгновение рука его застыла — он вспоминает, что недавно этим жестом тайно приветствовал Лиду. Потом привычно заканчивает движение.

Петр. Я буду... (*ему пришлось откашляться*) я буду читать вместо доцента Бечваржа.

Волнение в аудитории, но оно сразу стихает. Петр вынул конспекты из папки. Держит их в руке, но это только на всякий случай, он говорит, не заглядывая в них.

Петр. Время, в которое мы живем, можно смело назвать новым возрождением. Это возрождение тем более глубоко, что его благотворное влияние охватывает самые широкие слои общества. Новые экономические отношения нашли свое естественное выражение в новых отношениях между людьми. Сегодня мы уже смело можем сказать, что они создали новую мораль.

В зале поднимается легкий гул. Петр отмечает это про себя, но не обращает внимания.

Петр. Качество этой морали лучше всего, точнее всего можно постичь путем сопоставления с недавним прошлым, особенно с уделом женщин. Еще недалеко ушло в прошлое то время, когда женщина, живой человек с живым сердцем, была в сущности всего лишь товаром, предметом спроса и предложения.

Гул нарастает, слышится хлопанье откидных сидений — один раз, два раза. Петр поднимает голову, нерешительно смотрит в зал, потом на Человека в мантии.

Человек в мантии (*не спуская с него глаз*). Кто-то принес... какое-то известие...

Петр (*не понял, решает продолжать; повышает голос*). Наше общество решило, что основой и мерилom в отношениях между мужчиной и

женщиной должна быть только любовь. Мы стояли и будем стоять на стороне каждого, кто восстанет против темных сил прошлого.

Гул перерос в шум. Все чаще хлопают сиденья. Петр с наивным удивлением обращается к Человеку в мантии.

Петр. Они уходят...

Человек в мантии пожимает плечами. Петр делает последнюю попытку продолжать. Он покраснел, начал запинаться.

Петр. Я постараюсь... постараюсь разобраться, в чем еще сегодня больше всего проявляются пережитки капитализма.

Кто-то свистнул. В зале шум, долетают обрывки фраз.

Голоса: ...Какое он имеет право говорить?

...Свинство!

...Смотреть сквозь пальцы!

...Матисову!

В Петра попадает смятый комок бумаги, потом еще и еще.

Голоса: ...Вон!

...Он еще смеет!

...Убил Матисову!

Петр (*кричит*). Что это значит? Как вы себя ведете? Что это за люди, которые смеют присваивать себе право смотреть на чужую жизнь, как на спектакль? Которые не чувствуют, что должны отнестись к ней хоть с тысячной долей того внимания, с каким они относятся к самим себе!

Человек в мантии (*хмуро, но почти торжественно*). И которые допускают, чтобы крики толпы заглушили голос их собственной совести и сердца!

Петр (*возмущаясь уже не залом, а Человеком в мантии*). Кому какое дело!.. Лида Матисова...

Человек в мантии (*наконец-то отходит от кулисы*). Лида Матисова мертва, Петрус!

Петр дрожащими, вспотевшими руками судорожно комкает конспект, тербит галстук.

27

Проекция гаснет. Свет вспыхивает на всей сцене. По обеим сторонам стоят скамьи, на этот раз — две, и на них сидят все обвиняемые. Свободно только место Петруса да Лиды Матисовой; на нем лежит букет белых цветов, очень похожий на тот, давний, свадебный.

Человек в мантии. Сядьте, обвиняемый!

Петр, шатаясь, идет к своему месту, с убитым видом смотрит в пространство. Человек в мантии обходит скамьи и осматривает всех — подавленных, изнеможенных, неспособных произнести ни слова. Останавливается около букета, недовольно поднимает его, поворачивается к боковым кулисам.

Человек в мантии. Матисова! Это дело касается вас, пока оно не закончено.

Выходит Лида в распахнутом жакете, в котором мы видели ее в последний раз в вагоне. Села на свое место.

Человек в мантии. Обвиняемые! Я не собираюсь еще раз анализировать ваши поступки, мотивы и значение которых были обнаружены весьма убедительным образом. Для того чтобы довести дело до конца, нам остаются три вещи. Первое: хочет ли кто-нибудь из вас сказать последнее слово? Краль...

Краль в смятении отрицательно качает головой.

Человек в мантии. Грабетова?

Майка. Я и понятия не имела... просто понятия не имела, что это...
(расплакалась).

Человек в мантии. Тошек?

Тошек. Повторяю: как работник отдела кадров... (не докончил).
Это ужасно... Произошла страшная ошибка!

Человек в мантии. Стиборова?

Мать. Нет, нет, ради всего на свете, кончайте скорее! Милану надо к доктору! У Милана уже нет сил!

Стибор сидит разбитый, спрятав лицо в ладони. Человек в мантии даже не обратился к нему.

Человек в мантии. Петrusова?

Петrusова (после паузы). Нет.

Человек в мантии. А вы, Петрус?

Петр (встает, уничтоженный, сломленный духом, но он должен высказать сомнение, которое его мучит). Я знаю... я все знаю, но — не сердитесь... Если бы... если бы Лида... если бы Лида не умерла... все это представлялось бы... совсем иначе... Этим я не хочу уменьшить... свою вину, но... только ее смерть... таких случаев бывает ведь тысячи...

Человек в мантии. К сожалению.

Петр. Только ее смерть придала всему... ужасный характер... превратила, если оглянуться назад, даже самые мелкие ошибки... в преступления... Только ее смерть!

Человек в мантии. Этот факт, Матисова, может значительно отягчить вашу вину, причем то обстоятельство, что мы никогда не узнаем, было ли это самоубийство или несчастный случай, мало что изменит. Факт остается фактом, каким бы методом его ни обсуждать. Но в связи с этим возникает другая проблема, которую нам остается решить. Матисова, подойдите сюда. Подойдите сюда, Петрус. (Оба выходят на середину сцены). Итак, сегодня тридцать первое октября, начался последний этап ваших отношений. Чем он кончился, вы уже знаете. Теперь нам нужно, чтобы вы восстановили вашу вечернюю встречу, именно зная о конце.

Все взволнованны, возмущены.

Петrusова. Послушайте! Но это...

Человек в мантии. Это не метафизика, уважаемые, это логический мыслительный процесс, и так делает в действительности каждый из нас — возвращается по цепочке событий назад, к исходному пункту, представляя себе при этом, как бы он поступил, если бы знал последствия. Прошу вас!

Кинопроекция: снова тот вечер на Вацлавской площади с какофонией трамвайных звонков, гудков автомобилей и голосов. Лида и Петр читают текст робко, как любители на репетиции. Но если у Петра этот механический гон не исчезает до конца, то Лида с каждым словом становится все более взволнованной, естественной и убедительной.

Петр. Лида!

Лида. Петр!

Петр. Лида... ты совсем не изменилась...

Лида. Ты тоже.

Петр. Я приехал...

Лида. Знаю. Позавчера на факультете назвали твое имя, и с тех пор у меня все валится из рук.

Петр. Почему?

Лида. Ну... А как ты живешь?

Петр. Лида, у тебя есть время?

Л и д а. Когда?

П е т р. Сейчас.

Л и д а. Нет. Мне надо...

П е т р. Лида! Неужели сегодня твои дела не терпят? Нельзя ли покончить с ними поскорее? Я подожду тебя... ну, хотя бы у музея, я ведь провинциал... Пойдем куда-нибудь, поужинаем или выпьем вина.

Л и д а. К чему это?

П е т р. У нас есть что вспомнить.

Л и д а. И о чем забыть.

П е т р. Годы проходят, и в памяти остается обычно самое главное. Хорошее. А хорошего было немало, вспомни!

Л и д а. Теперь это не важно.

П е т р. Может быть. Увидим, Лидушка. Придешь? В восемь.

Л и д а. Не знаю...

П е т р. Приходи...

Л и д а (*после паузы, во время которой все взволнованы ее колебанием*). Приду.

П е т р (*судорожно, с усилием*). Обязательно!

Л и д а. Быть может (*но она сказала это, как ясное «да»*).

Человек в мантии. Стоп!

Проекция гаснет. Ропот на скамьях.

Человек в мантии (*успокаивает ропот, потом обращается к Лиде*). Тише! Матисова, вы не поняли. Вам незачем читать текст, как попугай, здесь не любительский спектакль. Вы должны сейчас взглянуть на ту роковую сцену вашими сегодняшними глазами... (*вдруг вспоминает, что ее ведь уже нет в живых*) то есть, с точки зрения ваших последних ощущений, понимаете?

Л и д а (*устало*). Да.

Человек в мантии. Еще раз.

Та же проекция. Петрус в самом деле видит вещи в свете свершившейся трагедии. Он произносит свое приглашение с отчаянием, с несчастным видом, он прямо внушает ей, чтобы она отказалась. А Лида отвечает вяло, с остансвками, словно переживая трудную внутреннюю борьбу.

П е т р. Я подожду тебя... и мы пойдем куда-нибудь поужинаем или выпьем вина.

Л и д а. К чему это?

П е т р. У нас есть что вспомнить.

Л и д а (*скорбно*). И о чем забыть.

П е т р. Годы проходят, и в памяти остается обычно самое главное. Хорошее. А хорошего было немало.

Л и д а. Теперь это не важно.

П е т р. Может быть. Увидим, Лидушка. Придешь? В восемь. (*Это он произносит со страхом*).

Л и д а. Не знаю...

П е т р (*едва слышно*). Приходи...

Пауза. Все сидящие на скамьях наклонились вперед.

Л и д а. Приду.

Смятение. Все встают. Кричат ей.

С т и б о р. Лида!

М а й к а. Лида, опомнись!

Человек в мантии. Матисова!

П е т р (*в отчаянии*). Обязательно?

Л и д а. Обязательно!

Проекция гаснет; тишина, никто не двигается. Человек в мантии подходит к Лиде, берет ее за руку.

Человек в мантии. Лида, ты ведь знаешь...

Лида. Знаю...

Человек в мантии. Так почему же...

Лида (*беспомощно поднимает к нему лицо*). Я его люблю...

Человек в мантии (*после паузы*). Лида Матисова, освобождаю тебя от обвинения. Ты свободна.

Лида медленно уходит. Молчание. Наконец его нарушает Человек в мантии.

Человек в мантии. Итак, осталось — последнее.

В зале зажигается свет. Обвиняемые встают. Только Петр остается сидеть на своем месте, посреди скамьи.

Человек в мантии. Петр Петрус, вы — юрист. Известен вам закон, по которому вас можно осудить?

Петр (*глухо*). Нет...

Человек в мантии (*медленно снимает мантию и так же медленно складывает ее на сиденье кресла*). Мне — тоже.

И медленно уходит от них.

Петрусова. Но кто же нас будет судить?

Человек без мантии (*неопределенный жест в зал*)... если могут.

Уходит туда, откуда впервые вышел. Медленно, впервые за все время, закрывается занавес.

